

Виктор Залявкин

ЭТОТ МАЛЫШ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1980

Виктор
Гризькин

ЭТОТ МАЛЬЧИК

Повесть

Рисунки автора

В ася мой друг. Мы с ним вместе сидим.
— Скажи спасибо, что ты меня сейчас видишь, — говорю ему специально загадочным голосом.
— Как это? — удивляется Вася.
— Не хотел, — говорю, — приходить сегодня в школу, вот и всё.
— Почему? — говорит.
— Неохота, вот и всё, — говорю.
— Как это? — удивляется Вася. Ему никогда не может прийти мысль не ходить в школу.
— А чего ты вчера гулять не выходил? — говорю.
— Уроки учил, — говорит Вася.
— Ну, и выучил свои уроки? — спрашиваю ехидно.
— Не успел все, — говорит Вася.

— Вот учишь, учишь, стараешься, а выучить всё равно не успеваешь. Очень ты, брат, старательный, — говорю.

Вызвали тут меня отвечать. А мне отвечать неохота. «Не буду, — думаю, — ничего говорить. Всё равно не знаю». Молчу и стою.

— Садись, — говорит учитель и Васю вызывает.

А Вася, наверно, как раз именно это выучить не успел. Стоит и молчит.

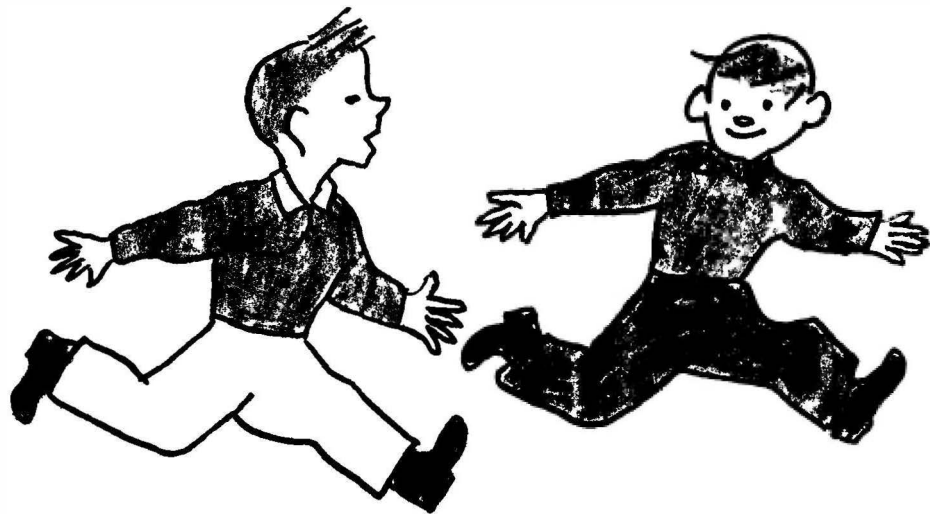
В общем, оба мы с ним двойки получили.

— Зачем же ты вчера учил, — говорю, — раз ничего ответить не можешь? Что-то я не замечал, что у тебя меньше моего двоек и замечаний. Приходил бы лучше ко мне. Поиграли бы. Бабушку мою подразнили. Пойдём, — говорю, — сейчас, пока ещё по двойке не получили, нашу бабушку подлавливать.

— Как это? — говорит Вася.

— А вот пойдём, и узнаешь, — говорю.

И мы с ним пошли.

Она очень старенькая. Но мы давно знаем, что, чем бабуся старше, тем больше сказок знает и хорошо рассказывает. Рассказывала и моя бабушка сказки, но так всё забывала и путала, что мы не могли ничего понять. Это-то и было самое интересное.

Мы с Васькой не разрешали ей путать, а просили рассказывать сказки нормально. На это бабушка нам отвечала:

— Раз вы всё знаете лучше меня, так поймите меня на слове. Она ни за что не хотела сознаться, что путает и забывает.

«Ладно, — думаем, — погоди. Мы тебя поймаем».

Рассказывает нам бабуся про зайца, и вдруг заяц у неё превратился в енота, потом енот в суслика, суслик в лошадь...

«Ну, — думаем, — час настал».

Мы с Васькой внезапно задаём вопрос:

— У тебя же был заяц?

Она подумала и говорит:

— Да, заяц, а что?

— А при чём тут лошадь?

Бабушка стала хитрить и увиливать. Совершенно спокойно нам заявляет:

— Я вам не говорила про лошадь.

— Всё время про зайца?

— Всё время про зайца.

— И про енота не говорила?

— Ещё чего выдумали!

«Ну ладно, — думаем, — погоди», — и просим рассказывать сказку дальше.

Бабушка покосилась на нас с опаской, недовольно вздохнула и продолжает:

— Идёт, значит, по лесу заяц, да... Идёт, это значит, по лесу крот...

— Ага, попалась! Какой же крот, когда заяц? А?

Бабушка вздрогнула и говорит:

— Какой крот? Никакого крота! Енот, енот...

Мы с Васькой спрашиваем:

— А заяц?

Бабушка нам отвечает:

— Конечно, заяц. Я и говорю, что заяц... Идёт, это значит... бобёр и стучит по пням палкой...

— Э-э-э! — кричим, — бобра откуда взяла?!

— Из лесу, — отвечает бабушка.

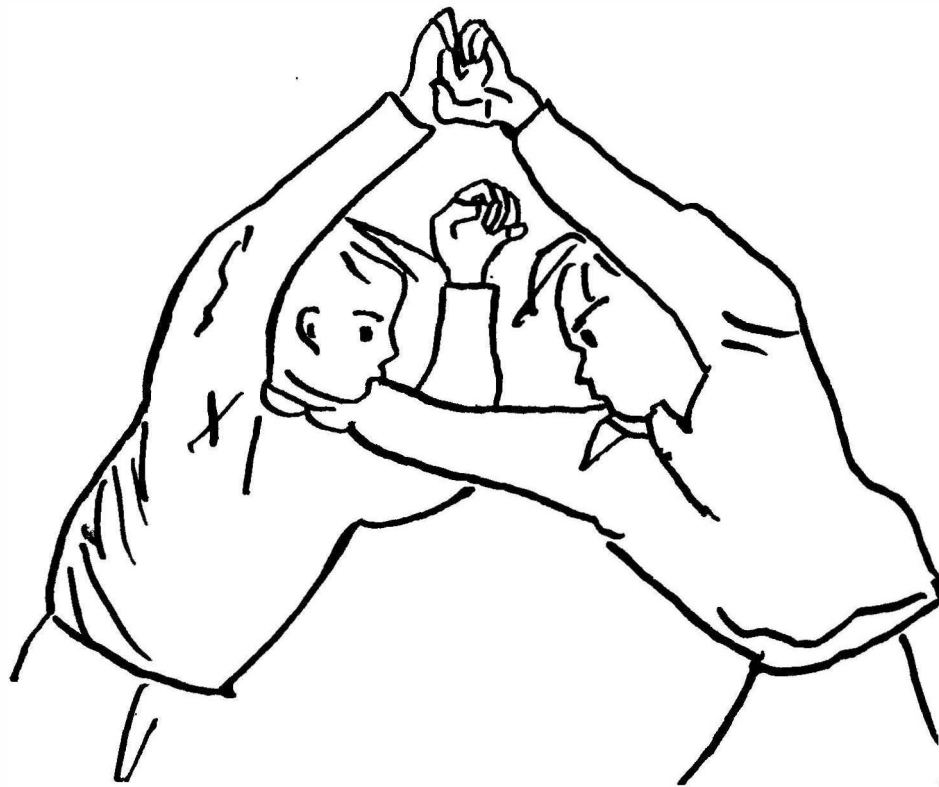
— А заяц куда делся?

— Заяц в лес убежал.

— Заяц где?! — орём возмущённые.

Бабушка заморгала, даже очки надела и говорит:

— Убёг...

— А когда прибежит, когда? Где же сказка?!
Тогда бабушка вдруг разозлилась и говорит:
— Не ваше дело, — говорит. — Сами всё равно ничего придумать не можете.
— Нехорошо бабушку расстраивать. Гляди, она уже не в себе, — говорит Вася.
— Пусть всё равно про зайца рассказывает!
— Да она не помнит про зайца.
— Пусть.
— Что пусть?
— Хочу про зайца, и всё!
Тут вдруг Вася покосился на меня, да как стукнет меня внезапно.
И произошла между нами драка.
И бабушка нас разнимала.

Вчера разодрались, а сегодня снова в школе встретились.

Я подошёл к нему и говорю:
— Здорово ты меня стукнул. Бабушка была очень счастлива, что ты её защитил.

А он выпученными глазами на меня посмотрел и говорит:

— Извини, пожалуйста.
Никто никогда передо мной не извинялся. А он вот стукнул и извинился. Такая радость на меня нашла: я стал петь и плясать.

Прозвенел звонок. А я бегал по классу и кричал:

— Не было звонка! Никакого звонка не было!

Я наскочил на учителя.

— Ты что? — сказал он.

Я не мог остановиться и во всё горло орал:

— Звонка не было! Звонка не было!

— Как не было? — сказал учитель. — Раз я давно здесь? Сядь на место.

Я сел на место, но успокоиться всё не мог и вполголоса пел песню.

Учитель посмотрел на меня угрожающе. Вот он встал со своего стула и пошёл ко мне. Сейчас будут у меня неприятности, и может даже плохо кончиться. Я испугался.

— Что же мне делать? — спрашиваю у Васи. — А что, если я попрошу извинения? Как ты думаешь?

— Не проси. Всё равно не простит, — сказал Вася.

Но я встал и тихо сказал:

— Извините.

— Извиняю. Вот наконец ты одумался, — сказал учитель.

— Ты слышал, что он сказал? — шепчу я Васе.

— Слышал, — говорит Вася. — Получается, что можно всё время кричать и петь на уроках, а потом попросить извинения, и всё.

— Это самое настоящее открытие, — говорю.

— Давай начинай опять кричать, — говорит Вася нарочно.

— А сейчас мне нечего кричать, — говорю я.

— И тогда не нужно было кричать, — вздыхает Вася.

— Тогда бы не нужно было просить извинения, — вздыхаю я.

И мы оба так вздыхали, как будто за один этот урок очень устали. А что все делали на уроке, совершенно не слышали.

Я оглянулся по сторонам, не слышал ли кто, как мы вздыхали. А то ещё дадут какое-нибудь новое прозвище за это. Ваське нечего бояться. У него уже есть прозвище. Его в классе зовут «Ох». Потому что он часто вздыхает.

«Ох, давай бегать», — скажет кто-нибудь из ребят. Он никогда не может сразу согласиться. Сначала долго думает, что бегать в школе нельзя, вздыхает, а потом всё равно бегать начинает, всех догонять.

С прозвищами у нас хорошо обстоит дело. Почти у каждого есть прозвище. Все девчонки и мальчишки с прозвищами. Некоторые не откликаются, когда спросишь по имени. А на прозвище сразу отзываются. Я своё прозвище не скажу, как-то не хочется, неприятно.

Ужасно интересно получается: когда мы с ребятами разговариваем, учитель совершенно ничего не понимает, потому что он прозвищ наших не знает. Учителей мы тоже прозвищами называем, между собой, конечно.

У моей мамы нет прозвища, я зову её просто мама. Не хочется звать её по-другому. Когда мама дома, я стараюсь, чтобы она меня похвалила.

Один раз я нарядился в отцовский пиджак и стал нарочно кривляться, чтобы её рассмешить. А мама рассердилась, что я весь отцовский пиджак извалял.

Однажды мама с бабушкой пили чай, мне опять хотелось их посмешить. Я думал, думал и придумал:

— Хотите загадку отгадать?

— Давай загадывай, — говорит мама.

— Кто всё знает, всё умеет делать?

— Учёный человек, — говорит бабушка. А мама молчит.

— Нет, — говорю я.

— А кто же? — говорит мама.

— Учёный человек, — говорю я.

— Я же так и говорила, — сказала бабушка.

— А это не тот учёный человек, о котором ты говорила, а другой учёный, о котором я думал.

— Почему он так говорит? Непонятно, — говорит мама.

Непонятно? Неужели не видят, какой я весёлый человек? Мне было так смешно, целый вечер смеялся. А они не смеялись.

Мама говорит:

— Смотрю я на тебя, Славик, ты мой сын, я тебя люблю, и мне хочется тебя за что-нибудь похвалить. Но увы... Пока совершенно не за что. И чему вас только в школе учат.

И всё-то ей не нравится. А я так старался. Мне стало не до смеха.

А мама говорит:

— Ты, Славик, хоть бы книжек больше читал. Видишь, их у тебя сколько. Ты любишь книги? — спрашивает.

— Люблю, конечно, — говорю.

— Какие книги тебе больше нравятся?

— Те, в которых можно картинки вырезать, — говорю.

— Зачем же картинки вырезать? — говорит мама.

— А помнишь, это было давно, мы с тобой сидели, читали, вырезали картинки и наклеивали их в альбом? — Мне запомнились не книжки и картинки, а что мама была со мной. Теперь этого не бывает.

— Помню, — говорит мама, — мы с тобой собак разных тогда изучали. Их и вырезали. Но это было давно. Ты теперь большой, теперь уж ни к чему книги портить. И собака у нас есть живая. Ты ведь любишь животных?

— Я только нашу Пташку люблю. А тех, которые по улицам бегают, мы с ребятами палками гоняем.

— Как можно! — говорит мама.

— А ребята говорят: «Зачем мне чужая взрослая собака, я лучше куплю свою маленькую и буду с ней гулять».

— Жалко собак, — говорит мама. — Эх, Славик, Славик, что же нам с тобой делать...

Не знаю, что делать. Вот вчера мы одному мальчишке дали прозвище «Собака». Он от нечего делать целый день говорил «Ав, ав» и бегал за нами, как собака. Мы вообще целыми днями дразнимся. Васька на меня обиделся, сказал, что он мне прозвище придумает. Как бы и вправду чего не выдумал. Он быстро придумывать не умеет. Но всё же опасность некоторая есть.

И всё-таки он кое-что придумал. Он ужасно старался придумать. И вот во сне ему приснилось слово «фофанофофанот». Он говорит, может, это два слова: «фофано-фофанот». Но он точно не знает. Он не знает, что это значит. Я тоже не знаю. Но оно всё время прыгает в голове: фофано-фофанот, фофано-фофанот...

Когда учитель Пал Палыч объяснял урок, он подошёл к Ваське и говорит:

— Повтори.

— Фофано-фофанот, — нечаянно сказал Васька.

Я тоже сказал:

— Фофано-фофанот.

— Что это значит? — возмутился Пал Палыч.

— Фофано-фофанот, — сказали мы с Васькой хором.

— Фофано-фофанот? Прекра-тить! — сказал учитель. — Знаете ли в конце концов, что значат эти слова?

— Не знаю, — сказал Васька.

— И я не знаю, — сказал я.

— Кто же тогда знает? — говорит учитель.

— И я тоже не знаю, — говорю я.

— А тебя не спрашивают, — говорит мне Пал Палыч.

Я встал и сказал:

— Если бы я знал, то сразу бы сказал.

— Садись, садись, надо же знать, что говоришь. Вы меня удивляете. Не говоря уже о том, что вы говорите это не к месту, не вовремя и ни к чему...

— Он первый начал, — сказал я, — а я за ним.

— Зачем же ты за ним повторяешь?

— Интересно, — говорю.

— Интересно? Но что же здесь интересного? Я просто выхожу из терпения. Я хочу выяснить, знаешь ли ты смысл этих слов?

— Фофано-фофанот... — объясняю я, — ну это просто фофано-фофанот.

— Но откуда тебе в голову пришли эти слова? — говорит Пал Палыч.

— Они вон ему пришли, — сказал я про Ваську.
— А ты повторяешь за ним, не вдумываясь в смысл? Впрочем, ты всегда за ним повторяешь.
— Повторял, — говорю. — И вы ведь тоже повторяли.
— Я? Да вы что? Ну, знаете... — растерялся Пал Палыч.
— А я думал, что вы тоже включились и вас под-держал.
— Я включился? А ты меня поддержал? Какая чушь. Фофано-фофанот. Никто из вас, ребята, не знает, что озна-чают эти слова? — обратился он к классу.
— Не знаем, — хором ответил класс.
— Тогда продолжим урок. — Пал Палыч написал на доске упражнение: «Сев — сеять, занятие — заниматься, потеря — потерять, фофано-фофанот...» — Простите, — говорит он и стирает два последних слова.
Вася поднимает руку.
— Что тебе? — спрашивает учитель.
— Вы стёрли, а я уже написал.
— Ишь какой быстрый и старательный, — говорит Пал Палыч, — не ожидал от тебя такой прыти.
— Мне тоже стереть? — говорит Вася.
— Я вам сто раз говорил: в тетрадях лучше не стирать, не разводить грязи. Поняли?
— Поняли, — отвечает класс.
Вася смотрит в свою тетрадь. Он ничего не понял.
— Но я же написал «фофано-фофанот»?
— Вот что, — говорит учитель, — выйди-ка ты из клас-са и до звонка подожди меня за дверью.
— А я? — говорю я.
— И ты, — говорит Пал Палыч.
Мы и ушли.
Сначала мы сели на школьную лестницу. Но тут услы-шали чьи-то шаги. Мы вышли из школы и сели на нашу лестницу.
Вася был мрачный, а я не очень.

— Это всё из-за тебя, — говорит и вздыхает.
— Вот сейчас кто-нибудь пройдёт из знакомых или со-седей, и я попадусь. Это ведь моя лестница, меня здесь все знают, а тебе хоть бы что. Пошли лучше сядем на чужую лестницу.
Пошли сели на чужую.
Вася всё равно вздыхает.
— Не горюй, — говорю, — давай я тебя на лифте по-катаю.
Покатались на лифте, снова сидим. Неприятно как-то сидеть. Другие в школе сидят, а мы... Мне тоже не по себе стало и на Ваську зло взяло:
— Почему ты говоришь, из-за меня нас выгнали? А кто мне прозвище нелепое придумал?
— Всё равно это ты виноват.
— Спроси кого хочешь, и всякий тебе скажет, что вино-ват именно ты.
— У кого это я здесь спрашивать должен?
— Да хоть вот позвони в любую квартиру, и любой тебе скажет.
— Ну уж нет, ещё чего, хватит с меня. Сам звони, если тебе нужно, — говорит Вася.
— Позвоню, — говорю, — и узнаешь: ты виноват. Взрослые тебе скажут. Они всё знают.
Я позвонил в чью-то дверь. Никого.
— Всё ясно. На работе. Позвоним к другим. И эти на работе. Нам просто не везёт. Не могут быть все на работе. Есть же разные там пенсионеры и другие люди, которые дома сидят.
Позвонил в третью дверь. Шаги. Открывает нам какая-то старушка. Ну, думаю, она вообще ничего не поймёт, но надо же что-то спросить, и я говорю:
— Скажите, пожалуйста, у вас тут Вася Иванов не живёт?
— Кто, кто? — Старушка глуховата.
— Вася не живёт?

— Ах, Вася? Не живёт, — говорит.

— Извините, ха-ха!

— Что, что?

— Ничего.

Мы спускались по лестнице. Я от души смеялся. Васька тоже вдруг засмеялся.

— Смешно? Ну, видишь! А я что говорил. Здорово я придумал? Шевелил мозгами, шевелил и наконец дошевелился. Хочешь, можно ещё что-нибудь придумать. Ты не робей.

— Да я и не робею. Я уже давно фофано-фофанота придумал.

Звоню ещё в одну квартиру.

— А вдруг там собака? — забеспокоился Вася.

— Собаки сами дверь не открывают, — говорю.

— Тоже верно, — говорит Вася.

Звоним ещё раз.

Вдруг дверь слетает с петель, и мы с Васькой отлетаем в сторону, к стене — на нас что-то обрушивается. И что-то проносится мимо, но что именно, не разобрать.

Мы встаём взъерошенные и обалделые.

— Кто бы это мог быть?

— Воры, наверно, кто же ещё, — говорю.

— Вечно тебе бандиты, воры да шпионы чудятся, — говорит Вася.

— Зайдём поглядим, — говорю.

— Неудобно в чужую квартиру заходить.

Мы только осторожно туда заглянули.

Квартира как квартира. Всё в порядке. На местах. Нет никого. И дверь на полу...

— Уйдём-ка отсюда поскорей, — говорю я.

Только, только успели выйти на площадку, поднимается нам навстречу малыш.

— Постой, постой, мальчик, ты здесь живёшь?

— А что?

— Что у вас там с дверью, погляди.

— А, это я, когда уходил, её с петель сорвал, — спокойно объяснил мальчик.

— Сорвал? — спрашиваю.

— Когда меня дома запирают, я её всегда срываю.

— Зачем?

— Чтобы на велосипеде покататься.

— А где твой велосипед?

— Велосипед я Коле дал покататься. Вы Колю знаете?

Он тоже катается на моём велосипеде.

— Как же тебе удаётся дверь сбивать? — спрашиваю.

— А вы зайдите, я вам покажу, — говорит.

— Зайдём, Вася? И часто ты её срываешь? — спрашиваю.

— Много раз.

— И тебя за это не ругают?

— А они не замечают.

— Кто — они?

— Родители.

Мы с Васей переглянулись. Просто даже не верится, что он говорит.

— Заходите, заходите, — говорит мальчик.

— Покажи нам, как ты это делаешь.

— Сейчас, сейчас. Помогите-ка мне её поставить... так... поставили. Между прочим, эти винтики мы с Колей с трудом свинчивали. А сейчас они еле держатся. Мы с ним изобрели: где дверь на ключ запирается, ну, вот с этой стороны, мы её не отпираем... Непонятно? А петли снимаем. Так вот, если разбежаться и как следует толкнуть... А перед приходом родителей я всё на место ставлю.

Смотрю, Васька рот раскрыл от удивления и слова сказать не может.

А я говорю:

— В детский сад тебе надо.

— Да нет, мне там нечего делать. Там только спят да едят.

— Тогда в школу, в наш первый класс подходишь.
 — Я там был, только в другом классе. Я всё давно знаю, чему вас учат. Мне там скучно.
 — Тогда во второй класс, — говорю.
 — Во второй, в третий... — говорит мальчик, — меня не берут. Говорят, так не бывает.
 — А ты что, всё знаешь? — спрашиваю.
 — Конечно, давно знаю.
 — Кто же тебя научил?
 — Сам, конечно. Родители помогли.
 — Что они сидели с тобой, что ли?
 — Зачем? Они работают.

Я сам сижу и всему учусь. А родители мне не мешают.
 — А куда ты так мчался? — спросил я.

— Я думал, Коля звонит. К Коле и мчался.

— И нас не заметил, что ли?

— Не заметил. Я очень спешил.

— Ты так и Колю бы не заметил.

— Нет, когда Коля звонит, он к самой стене отходит, чтобы дверь на него не свалилась. А это вы звонили? Я не знал. Вы, наверно, упали.

— Упали... — нехотя сказал я.

— Вот я вас и не заметил.

— Как же всё-таки родители не замечают, что у них такая дверь? Еле держится.

— А что, разве заметно?

Почему они должны замечать? Я перед их приходом все винтики обратно закручиваю. А потом опять откручиваю.

— Да ну тебя, с твоими винтиками... Ты понял, Вася, как он это делает? — спросил я.

— Да не совсем, — сказал Вася.

— А я не понял совсем.

— Да ну его! — сказал Вася испуганно. — Пойдём от него.

Навстречу нам поднимался ещё один мальчик. Мы посторонились, давая ему пройти. Наверно, это был Коля.

— А всё-таки, по-моему, это смешно, — сказал Вася на улице.

— Ну и смейся себе на здоровье. — Я тёр свой лоб. Я набил себе шишку на лбу. Этот мальчишка, срыватель дверей, крепко саданул меня дверью по лбу.

А всё из-за Васькиного фофанота.

Вчера я его испугался, этого мальчика. А сегодня жить без него не мог. Как там у него дверь? И что он сейчас там делает?

Зову Васю, а он говорит:

— Мне в школу надо.

— Вот удивил, — говорю, — а мне не надо, что ли. И всё ты умничаешь. Потом вместе с тобой в школу ходим. Что мне одному, что ли, идти, вдвоём ведь веселее.

Конечно, он тоже пошёл.

Мы уже стояли у его двери и хотели позвонить. Но тут из соседней двери выбежал сосед, старичок сухощавый, с бородкой и подбежал к нам рысцой.

— А вы что здесь торчите? — спросил он и при этом бега своего не прекращал, вернее, продолжал бежать на месте. Впечатление это производило странное, особенно на Васю. Он вообще не мог закрыть рта от удивления и испуга.

Ему, наверно, казалось: спастись от бегущего человека нет никакой возможности. И Вася сказал:

— У нас учитель заболел, и потому нет уроков.

— Так. Хорошо, — сказал старичок. — Бегал бы рысцой, не заболел бы. Вот как я — ишь! Ишь! Раз-два! Раз!

Вася с интересом его разглядывал. Тот продолжал бежать на месте.

— Ну, я побежал! Привет учителю! — сказал старичок, сбегаая по лестнице.

— Интересный сосед, — сказал я. — По-моему, ему всё равно, в школе мы или не в школе, а ты боялся.

— Ошибся. Откуда я знал, что он про школу не будет спрашивать, — сказал Вася.

— Ты, главное, слушай меня, и всё будет хорошо. Ты только не ошибайся, ладно? Да ладно уж, не расстраивайся, с кем не бывает, — сказал я Васе. — Он, понимаешь, наверно, всё время бегает. И даже когда смотрит телевизор, бегает на месте.

— А зачем? — говорит Вася.

— Здоровье своё копит.

— Зачем?

— Сто лет проживёт. Раз-два! Раз-два! Ха-ха! — передразниваю я соседа.

— Нельзя над стариком смеяться, — говорит Вася. — Ты ещё доживи до него.

— Доживём! — говорю и звоню к этому мальчику. И мы с Васей отбегаем подальше от двери, к стене.

На этот раз дверь нормально открывается, и он выходит к нам и говорит:

— Вы куда, ребята, побежали?

Тогда мы вернулись и к нему подошли.

В это время сквозняком сильно потянуло, и дверь как трахнет — захлопнулась и на замок заперлась.

— Вот да! — расстроился мальчик.

— Не волнуйся, — говорю, — развинтишь винтики и дверь с другой стороны откроешь.

— Винтики с той стороны развинчиваются, а не с этой, понятно?

— Всё равно не горюй, — говорю. — Пошли с нами гулять. А потом родители придут с работы и дверь ключом откроют.

— Нет уж, нет уж, мне некогда ждать. Сейчас начнутся занятия по телевизору. Мне надо туда. — И он стал толкать дверь плечом, а она не поддавалась.

— Да ну их, эти занятия, у нас в школе тоже занятия, да мы и то ушли.

— Так вы зато и не знаете ничего.

— Мы всё знаем, — говорю я.

— Тогда скажите, что такое Африка.

— Это такая страна... — говорит Вася.

— Конечно, страна, — говорю я неуверенно, потому что точно не знаю.

— Но как же мне попасть теперь домой? Так, так... — начал он соображать. — Пойду к соседям наверху и с их балкона запросто спущусь на свой балкон. Раз-два и дома!

И мы все трое пошли звонить в верхнюю квартиру. Тем более у нас с Васей опыт был. Там никто не открывал.

— Значит, этот вариант отпадает, — говорит мальчик. В это время снизу рысцой возвращался его бегущий сосед.

— Здравствуйте, — вежливо сказал мальчик. — Вы мне как раз нужны.

— Какое удовольствие быть кому-нибудь нужным и необходимым! — весело сказал сосед.

— Мне надо посмотреть из вашего окна на свой балкон. По-моему, он совсем близко от вашего окна...

— И всё? Прошу, пожалуйста, — пригласил он, не прекращая бега.

— Ребята, за мной! — сказал мальчик. И мы все трое вошли в квартиру соседа.

— Все мои окна к вашим услугам, — сказал сосед, — смотрите, сколько хотите.

— Мне все не нужны,— сказал мальчик. — Мне нужно ближайшее окно.

— Пожалуйста, ближайшее.

Мальчик открыл окно и стал пристально смотреть на свой балкон. Мы с Васей тоже смотрели. Балкон был близко, но не достать. Мы это сразу поняли. И мальчик сказал соседу:

— Вы человек тренированный. Подержите меня за ноги. А руками я схвачусь за перила своего балкона и перемахну туда. Мне надо срочно домой, а моя дверь захлопнулась от сквозняка, и ключ остался дома.

— Что ты, что ты, что ты, — сказал сосед и перестал бежать на месте. — Ни в коем случае! А если ты сорвёшься и упадёшь? Я буду отвечать?

— Я не упаду ни за что! — сказал мальчик. — Да и вы мне упасть не дадите.

— Нет, нет, нет! — испугался сосед. И мы тоже испугались.

— Так, так, так... — размышлял мальчик. Он смотрел на стену, где висела какая-то старая большая толстая верёвка. — Ваша верёвка мне очень нравится, — сказал мальчик соседу.

— О, — сказал сосед. — Это было давно. Раньше я ведь был конюхом. А потом лошадей заменили трактора, а я продолжаю мечтать о лошадях. Эта верёвка из той конюшни. Она как память о юношеских годах.

— Хорошо, что не хомут вы взяли на память, а верёвку. Именно она может нам сейчас пригодиться. Нельзя ли мне попросить эту верёвку у вас для дела на одну минуту? — спросил мальчик.

— Пожалуйста. — Сосед снял с гвоздя верёвку и дал её мальчику. От верёвки пыль поднялась столбом. Она сильно запылилась.

Мальчик размотал верёвку, взялся за один конец, и мы не успели заметить, как другой конец перелетел через перила балкона и очутился у него в руках. Эти оба конца он

закреплял за батарею парового отопления, проверяя её надёжность.

— Что ты, что ты, что ты, — пробормотал сосед. — Я ничего не видел. Я ничего тебе не давал, никакой верёвки у меня не было. Мне надо ещё поразмяться. — Тут он перешёл на рысцу и выбежал из своей квартиры, забыв закрыть за собой дверь.

— Ребята, — сказал мальчик. — Верёвку я привязал к батарее крепко. Но вы дополнительно держите верёвку руками. А если отпустите, я упаду вниз и разобьюсь вдребезги. Вы ответственны за жизнь человека.

Мы с Васькой так испугались! Мы с Васькой схватились за верёвку руками и держали её изо всех сил. Нам ещё никогда не приходилось отвечать за жизнь человека, и мы очень старались... Мальчик уже хотел лезть по верёвке, как по канату, но вдруг остановился.

— Ладно, кончайте. Вы свободны. Отставим это дело.

Мы так уцепились за верёвку, что от испуга никак не могли её отпустить.

— Ты что, — говорю, — испугался? Не бойся, мы её не отпустим.

— Нет, — говорит, — передумал. И так, видите, разбегаются. А стоит мне высунуть нос на улицу, все подумают, что я сейчас упаду. Попробуй тут и вправду не упади. А если не упаду, то мне всё равно попадёт.

— За что?

— За то, чтобы не лазил в окно, когда для этого есть двери. И опять водворят в детский сад. Из-за какого-то ключа пугать столько людей не стоит. Неразумно. Вот пойдём сейчас и откроем дверь любой ценой. Вы, между прочим, со своей задачей справились с честью. Благодарю.

Тут мы с Васькой выпустили из рук верёвку.

Он её отвязал и повесил на стену как было.

И вот мы опять подходим к его двери. И тут снизу выбегает трусцой сосед и несёт в руках большую связку ключей.

— Это ещё не ключи, а простые заготовки для ключей, — говорит он. — Но надо попробовать ваш замок, может быть, какой-нибудь ключ удастся подогнать и, возможно, дверь отопрётся.

Мальчик взял первый попавшийся ключ, сунул его в замок и тут же отпёр его.

— Ну вот и всё, — сказал он.

— Не может быть, — сказал сосед. Он взялся за другой ключ, сунул его в замок и снова закрыл его.

— Что же я наделал! — вдруг испугался он.

Тогда мальчик снова взял все ключи и стал по очереди каждым отпирать и запирать свой замок.

— Ну вот, друзья мои, скажу я вам, умный человек всегда подберёт ключ к любой проблеме, — сказал довольный сосед.

— К двери, — сказал мальчик, — не к проблеме, а к нашей двери.

— На мою дверь, между прочим, сквозняки не влияют.

— У вас окна слишком плотно заклеены. Откройте ваши окна, появятся сквозняки и сразу повлияют.

— Мой замок с секретом и простым ключом его не откроешь.

— Это так только кажется, что с секретом. Развинтим винтики, разбежимся и вышибем вашу дверь, — сказал мальчик.

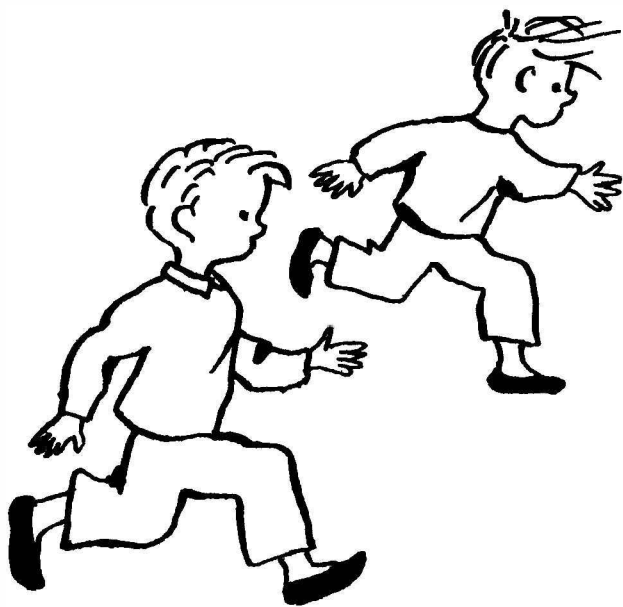
— Я так не могу. Мне это неприятно, — испугался сосед.

— Мы сами вышибем, не беспокойтесь, — сказал мальчик.

— Ну зачем же это делать. Что вы, что вы...

— Я хотел сказать; если вам это понадобится, — пояснил мальчик. — Раз надо, значит, надо.

— Прошу простить, — сказал сосед. Он ушёл к себе домой и плотно закрыл за собой дверь.

А мы открыли нашу дверь и вошли вместе с мальчиком.

Там было: гимнастическая стенка, штанга, боксёрская груша. Пианино. Два магнитофона, проигрыватель и приёмник. Много книг. Географические карты. Я подошёл поближе к картам и на одной прочитал: «Африка».

Мне стало вдруг ужасно стыдно, что мы до сих пор не знаем, что это такое.

Я подошёл к телевизору и сказал:

— У нас телевизор тоже есть.

— Ну и что ты с ним делаешь?

— Ничего. Смотрю иногда.

— Все эти штуки есть в доме у каждого.

— У меня не все, — сказал Вася.

— Ну, если ещё не все, то вполне могут быть все. Ничего в этом нет особенного. И мы это не с неба достали, а купили в магазине. Но дело не в этих штуках, а в том, как на всё это смотреть.

— Как надо смотреть?

— Внимательно. А не краем глаза.

— Ты и телевизор так смотришь?

— Я всё так смотрю. И смотрю и слушаю. Но главное, не просто слушать, а всё слышать — тогда всё быстро запоминается. Уши у тебя ведь тоже есть.

— Есть, конечно. Что я, урод, что ли?

— Ну вот, ничего не пропускай мимо ушей, тогда будешь всё знать. И нечего хлопать глазами — видеть надо. Вот попробуй, потренируйся. Что ты здесь видишь?

— Тебя.

— А ещё что?

— Какой ты умный. Я тоже хочу быть таким.

— Правильно. Начинай, пока не поздно. А с такими штуками вообще можно быть на высоте.

— Где на высоте?

— На высоте развития, я говорю. А то, знаешь, как противно: некоторых учат, учат, а они всё равно ничего не знают, ходят рот разинув. Поговорить не с кем. Спят да едят, как в детском саду. А вы уже не маленькие. Меня даже ростом обогнали. В общем, мне надо за дело браться. Видите: программа уже начинается.

— А нам в школу надо, — говорю. — Мы, пожалуй, пойдём.

Я взял Ваську за руку, и мы вместе вышли за дверь.

По лестнице съезжал на велосипеде Коля. Он гнал прямо по ступенькам, только лестница тряслась и велосипед грохотал на спуске.

— Видал? — говорю. — А ты не знаешь, что такое Африка, — ругал я Ваську.

— А ты не знаешь, что такое фофано-фофанот, — разозлился Васька.

— Отстань ты со своим фофанотом! Ерунда собачья твой фофанот, и всё. Какафот, нафафот, фафот, драфафот, дифонафот — вот и все твои дела.

Но я видел, что Вася меня не слушает, а что-то усиленно думает, и я тоже стал раздумывать.

— Хорошо, — говорю, — всё же в школу иногда не ходить. Глядишь, с тобой что-нибудь и случится. А то сидишь, сидишь — и ничего!

— Ну вот, опять ты за своё, — говорит Вася. — Как же ты всё узнаешь, если в школу ходить не будешь?

— Я, конечно, не против, — говорю. — Теперь я, наоборот, внимательным буду в школе, вот увидишь. А то, понимаешь, собственная мать похвалить ни за что не может.

Я вспомнил, как однажды очень давно она меня хвалила. Дело было так.

Летом мы жили вдвоём с мамой в деревне. Я катал свои игрушки и всё рассказывал маме про игрушки. Я про них знаю всё, а мама давно забыла.

Один раз нам принесли телеграмму. Отец вызывал маму к телефону по важному делу. К телефону надо идти пять километров. А разговор был назначен на ночь.

Мама оставила мне всё к ужину. Мы договорились, что один я бояться не буду: поужинаю, когда захочу, а стемнеет, лягу сам спать. Мама придёт только утром. Она переночует там у знакомых, чтобы не идти глубокой ночью лесом.

Я помахал рукой, и мама пошла по дороге.

Стало темнеть. Я пошёл в избу ужинать, и дверь закрыл на засов. Засов был сделан из толстой плахи и продевался в две железные скобы.

Я ужинал. Потом стало темно. Я щёлкнул выключателем, но свет не зажёгся: электричество выключено или лампочка перегорела. Теперь осталось только лечь спать и уснуть, а завтра проснусь уже с мамой.

Не засыпалось. Я думал: я знаю, что бывает днём. А когда темнеет, меня спать укладывают. Мне говорят, так надо, потому что ночью спят все на свете. Ночью темно. Темно, ну а дальше-то что? Что в темноте? Я поглядел в тёмное окно, ничего в деревне не было видно. Пойду сейчас на улицу и посмотрю, что там. Но мне стало очень страшно — такая темнота.

Всё равно, думал я, вот сейчас подойду к двери, которая на засове. Нет, лучше пробегу. Побыстрее. Схвачу обеими руками засов, отодвину его и дверь открою. Самое главное — перешагнуть через порог и не брякнуться.

Я ступил на пол, и мне вдруг показалось, что сейчас не только ночь, но и зима. Но я точно знал, что лето. Просто я был босой, а крашенные половицы всегда холодные, даже летом.

В темноте я нашёл свои новые резиновые сапоги. Они днём блестящие. Сейчас они скользили в руках и скрипели один о другой. Я сел на пол и натянул сапоги. Одному пальцу места не хватало. Значит, не на ту ногу. Разулся. Сапоги опять заскрипели, а я ещё больше испугался. Обулся. Затапал сапогами по половицам.

Нащупал засов, схватился — не подвигается. Потом как потянул, и он громко отъехал в сторону. Шуму-то сколько, батюшки! Бух дверь — и открылась. Только порог переступить — и на улице. Стало совсем страшно. И тут я вспомнил, как зимой нечаянно проснулся рано утром. Мама собиралась на работу.

— Тебе не страшно в такую темноту и холодину идти? — спрашиваю.

— Ну и что, что страшно. Что же, всю жизнь бояться, что ли? Я ведь взрослая. Надо идти.

Я поднял ногу повыше и переступил через порог.

Я стоял на крылечке и смотрел на луну. Луна была, как маленькое окошко на небе, завешенное красной тряпкой. Свет был красный и ничего на земле не освещал. Только тучу было видно, тёмную, серую. Она поворачивалась и налезала на луну. Не было ни одной звезды.

Темно и тихо. Туча напозла на луну. Ничего не видно. Ну вот и всё. Можно домой идти. Пойду теперь домой — ничего тут нет. Хотел уже домой поворачивать, но тут заметил недалеко от дома светлую полосу. Это оказалась дорога. Сухую пыльную дорогу ночью в темноте видно. Я осторожно выставил вперёд руки и стал подвигаться по дороге. Сначала медленно, боялся запнуться обо что-нибудь, потом быстрее, быстрее вперёд.

Вот ночью по белой дороге идёт человек — это я. И я совсем не боюсь. Чего бояться. Всё равно все спят.

Я шёл дальше и не думал останавливаться и поворачивать обратно. Я шёл, как большой взрослый человек, а вовсе не маленький. И нечего мне было бояться.

В деревне залаяла одна собака. Наверно, она меня почувала. «Лай, лай, правильно делаешь, что лаешь. Чуешь: человек идёт ночью по дороге в страшной темноте».

Вот, значит, собака ночью не спит. А я думал, все спят.

Вдали что-то чернело. Я вспомнил, что там растут кусты, они и чернеют.

Птица поёт. Так негромко чирикает. Ещё, ещё птица. Как будто птицы сидят у себя дома и негромко разговаривают. Одна как будто спрашивает, а другая отвечает. Значит, птицы ночью тоже не спят. Они, может быть, что-нибудь ночью обсуждают потихоньку.

Кусты кончились. Под ногами что-то зашуршало. Я остановился и присел пониже разглядеть что. По краю дороги идут два ёжика.

Я дотронулся до одного ёжика. И он побежал в траву, другой за ним скрылся. Куда это ёжики пошли, интересно? На охоту, что ли?

Потом я шёл мимо стога сена. Потом... что-то большое стояло у дороги.

А это, оказывается, была лошадь. Она совершенно не шевелилась. Лошадь стоя спала.

Вдруг я остановился. Навстречу мне по дороге кто-то шёл. Я решил лечь в траву, чтобы человек меня не заметил и не напугался. Но я только так думал, а сам не двигался с места от испуга. Человек приближался. Я испугался, что он на меня в темноте натолкнётся и, может, даже упадёт. И я тихонько запел: «А-а-а-а, о-о-о-о...»

И тут я услышал:

— Это ты, мой маленький? Ох и напугал ты меня! Куда ты?

— Я тебя и встречаю, — сказал я.

— Значит, ты чувствовал, что я иду. Я волновалась, тревожилась, не стала оставаться ночевать. Пошла к тебе.

— Мама, тут у стога лошадь спит. Ты её не бойся. А по дороге ёжики шли. И птицы ночью не спят.

— Ты не сбился в темноте?

— Нет, дорога в темноте светит.

— Тебе не повезло сегодня. Уж очень тёмное небо. Сейчас дождь пойдёт. Давай скорее руку.

— Смотри, наш дом стоит, как тёмный пароход с чёрной трубой.

Дунул ветер. Деревья закачались, и пароход наш как будто закачался на чёрных волнах.

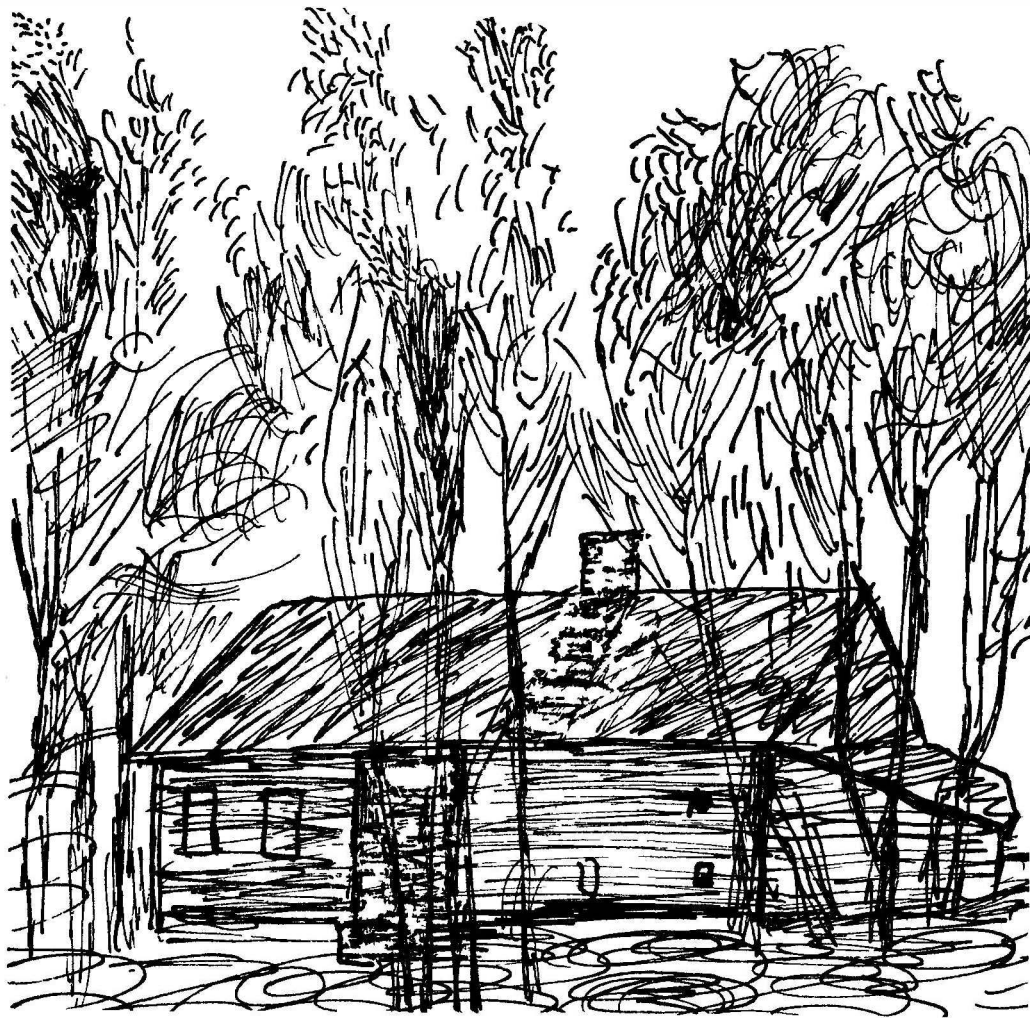
Вот мы вошли в тёмную открытую дверь. Мама зажгла свечку, электричество, она сказала, выключили перед грозой. Мы увидели друг друга и засмеялись.

— Теперь спокойной ночи. А скоро нам с тобой в дорогу собираться. Кончается наше лето. Тебя в школу записали. Надо домой, за дело приниматься.

— Давай поплаваем, — сказал я, — раз наш дом, как пароход.

— Счастливого плаванья, — сказала мама.

Мы погасили свечу.

По стёклам потекли косые капли. Начался дождь.

Наутро мама хвалила меня за храбрость и называла умницей много раз. «Есть, — говорит, — у тебя характер».

Я был ужасно рад этому. Мне казалось, что я уже герой, и хватит с меня, можно больше совсем ничего не делать такому замечательному герою. С тех пор ничего хорошего не делал и хвалить меня было не за что.

— Давай, — говорю, — Вася, поговорим о наших характерах. Какие у нас с тобой недостатки, какие хорошие черты.

— У тебя ужасный характер, — говорит Вася. — Ты всё время подговариваешь меня из школы сбежать.

— Это у тебя ужасный характер. Что тебе ни скажешь, куда ни позовёшь, ты всегда ломаешься.

— Потому что я не хочу убегать с уроков, а ты меня подговариваешь.

— Не хочешь, так не убегай, никто тебя не гонит.

— А ты пристаёшь, — говорит Вася.

— Пристаю, потому что знаю: всё равно сбежишь. Но ужасно спорить любишь: не хочу, не буду, не пойду. Надо тебе исправляться. Но вообще ты парень хороший. Всегда со мной ходишь, настоящий друг.

— Ты тоже настоящий друг, — говорит Вася. — Потому я с тобой и хожу.

Первый раз в жизни мы с ним не поссорились. Даже на душе легче стало, когда узнали, что мы с ним друзья что надо.

Теперь я твёрдо решил быть в школе внимательным. Всё замечать, мимо ушей ничего не пропускать.

Вот смотрю внимательно по сторонам. И приходит в наш класс ученик из другого класса. И говорит, что он у нас теперь будет октябрятским вожатым. Говорит, что он любит играть с малышами, то есть с нами.

Вожатый спел нам песню. Танец станцевал. Потом играл

с нами в паровоз. Я даже запомнил стих, который в игре говорили в такт шагам:

Паровоз пыхтит, гудит,
Мчится во всю силу...

Потом вожатый разделил всех ребят на группы, которые звёздочками называются. Теперь у звёздочек будут соревнования: кто больше сделает полезных дел. Первое полезное дело было такое: кто больше поможет стареньким на своей лестнице.

И вот я звоню в квартиры на нашей лестнице, чтобы кому-нибудь сделать полезное дело. Ходил, ходил. У кого ни спрошу, все говорят: нет старых. Что же мне делать?

И тут же сразу придумал. Моя же собственная бабушка может меня здорово выручить. Буду ей теперь помогать.

Но Вася, наверно, победит в этом соревновании: у него на лестнице живут одни старики.

Но оказалось, мне совсем некогда делать полезные дела, помогать бабушке. Надо в школу ходить, уроки делать.

Совершенно времени ни на что не хватает.

Мама мне тогда посоветовала написать режим дня, он воспитывает волю и помогает всё успевать.

Я уже написал режим. Только не знал, что делать от девяти до десяти часов вечера. А мама говорит:

— В это время полезно поскучать.

Я не хотел, чтобы режим был скучный, и этого не написал. Я всё делал по режиму и весь день ждал, когда это кончится. Тогда я гладил нашу собаку Пташку. Ей это нравилось, она меня к себе переманивала, подстерегала, когда я её позову. Ей-то уж режим был совсем ни к чему. Пташка стала моим лучшим другом. Пока я играл с собакой,

пришло мне в голову вот что: обратиться к ребятам всего земного шара, чтобы не гоняли они больше ни собак, ни кошек. Ведь из злой и грязной собаки можно сделать верного друга. И с ним не замечаешь, как бежит время. И с каждым днём он привязывается к тебе всё больше. А ведь раньше Пташка была голодная, никому не нужная собака.

По режиму сижу и пишу сочинение. Про какое-нибудь дерево задали написать. Но не пишется. Гляжу в окно, там много деревьев, а что писать, не знаю.

Спросил у папы, а он говорит:

— К этим деревьям, Славик, ты не имеешь личного отношения. Что же про них напишешь? По-моему, это задание для тебя преждевременно.

— Ну вот, преждевременно, а задали...

— Я могу рассказать тебе про своё дерево, если хочешь.

— Давай, — говорю, — выручай.

— Маленьким я жил в деревне у бабушки. Однажды ранней весной я выкопал на опушке леса маленькую берёзку. Я знал, что скоро уеду в город к моим родителям навсегда, а берёзка останется бабушке на память.

Я выкопал яму и посадил деревцо у окна, чтобы любоваться им из дома.

Летом весёлые листочки трепетали на ветках, значит, берёзка моя прижилась.

А потом я уехал.

И вот приехал туда уже совершенно взрослым человеком поклониться бабушкиной могиле.

Дома нашего уже не было и в помине. Его снесли на дрова. Крапива и лопухи покрывали то место, где он раньше стоял. Мне было интересно, как выросла берёза за эти годы. Но я не нашёл берёзы. Неужели её сломали вместе с домом?

Повстречался мне тут старый лесник. Он сказал, что дерево сгорело при пожаре соседнего дома. Говорит, огонь так бушевал и разносился по ветру, что берёза вспыхнула факелом и пропала навсегда.

Потом я пошёл в лес, нашёл там новую берёзу, хотел её выкопать и принести в деревню. Но какой смысл пересаживать дерево из одного места в другое. Ведь от этого деревьев на земле не прибудет. Я расстроился, сел на пень и думал про людей и деревья.

И тут вижу: под густой тёмной елью пробился берёзовый росток. Пробиться-то пробился, да погибнет. Ёлки его заглушают. Никакого света не пропускают. Я и решил спасти это дерево. Принёс его на своё пепелище. Выкорчевал крапиву и лопухи, вырыл яму на том же месте, где раньше сидел у окна, как раз у дороги, которую теперь тут проложили, и посадил новую берёзу. Для порядка. Не должно быть, чтобы не осталось там моих корней.

Чтобы стихия не помешала ей вырасти, попросил лесника последить за саженцем. Потом огляделся вокруг: солнце уж низко, скоро стемнеет. Мимо пропылило шумное совхозное стадо.

Я вышел на дорогу и отправился ночевать в совхоз, который построили рядом с моей бывшей деревней. Там живёт мой прежний друг, теперешний директор совхоза. Я у него гостил этим летом, а он приедет к нам зимой. Дружба у нас возобновилась.

Я, Славик, думаю: правильно вам задание-то дали. Пусть ребята подумают, как своё дерево посадить. Чтобы деревья на земле не переводились. Тебе тоже пора об этом подумать.

— Да я бы целый сад посадил, — говорю. — Мне вовсе не лень, очень хочется посадить свой сад.

Мне жалко было берёзку и папину бабушку, которая умерла

Я подошёл к своей бабушке и говорю:

— Хочешь, я тебе сделаю полезное дело?

— Нет, — говорит бабушка, — не надо. Мне так лучше. Не поняла ничего моя бабушка.

Сочинение я написал, и меня за него хвалили.

Явно я стал исправляться. Учиться стало интереснее.

Я мечтал о саде, который мог бы посадить. Это был бы замечательный садик. В нём бы всё цвело.

Только где его посадить? Я ходил по улицам и подыскивал место для садика.

Но подходящего места в городе не было. Все свободные от домов места были засеяны травой и засажены деревьями. Это были общественные деревья. Может быть, мне всё же удастся посадить хотя бы одно дерево в этом большом общественном саду?

Я думал об этом мальчике и представлялось мне: когда-нибудь я войду в его дверь и скажу: «Здравствуйте. Я вас помню. А вы меня помните? Мы с вами умные, образованные люди. Давайте побеседуем о наших делах...»

Я гулял с моей собакой под деревьями у нашего дома. Другие тоже гуляли со своими собаками.

Одна собака убежала от своего хозяина, набросилась на девочку и напугала её, потому что девочка от нечего делать показывала ей язык. Теперь девочка громко плакала.

Мимо пробежал знакомый сосед того мальчика. Он сразу узнал меня и решил спасти от злой собаки. Он посадил меня к себе на плечи и так держал.

Я сказал, чтобы он спас тоже и девочку.

— Я же не могу разорваться, — сказал сосед.

«Тогда я сам спасу», — подумал я. Я стал от него вырываться, а он не пускал меня.

Подогнал на велосипеде Коля. Он спросил:

— Что тут случилось?

— Девочку напугала собака и её надо спасти, — сказал я.

— Сейчас сделаем, — сказал Коля.

Он свистнул. И прибежал этот мальчик. Довольно быстро прибежал, я никак не ожидал, что так быстро можно прибежать на один свист. Можно подумать, мальчик только и ждал этого свистка. Свисток был какой-то особенный, и видимо, для него что-то значил. Не мог я понять, как он так быстро примчался.

Он прибежал и свистнул собаке, которая испугала девочку. Собака сразу подбежала к нему. Он обнял её за шею, и она спокойно легла на землю к его ногам.

Около него собрались люди. Они не понимали, что это собака вдруг присмирела. Они спрашивали:

— Что ты сделал с собакой? Что ты сделал с ней? Какое ты имеешь право?!

Девочка, которую напугала собака, ушла домой. Я всё ещё сидел на плечах старика и никак не мог слезть. Эти люди не знали, почему надо было усмирять собаку. Им показалось, наверно, что мальчик злой, и может, он издевается над бедной собакой, и собаку надо от него защищать.

И тут мальчик сказал:

— Не беспокойтесь, сейчас собака встанет на ноги.

— И бросится нас всех кусать? — сказал сосед.

— Я этого не позволю, — сказал мальчик. — Он опять обнял собаку за шею, и она бодро поднялась на ноги.

Люди на всякий случай отошли.

Мальчик взял собаку на поводок, который подал ему хозяин собаки, она больше не бегала и никого не пугала.

А на другой день эта собака спокойно гуляла со своим хозяином. Девочка тоже гуляла и этой собаки совсем не боялась.

«Почему этот мальчик, а не я, вчера спас девочку от собаки? Ведь я тоже там был и всё видел. И как это у

мальчика всё ловко получается? И что ещё он придумает?» — размышлял я. Мне очень понравился этот мальчик.

Но чтобы поговорить с ним на равных, мне придётся ещё постараться. Мне-то с ним, конечно, интересно. Но ему-то со мной какой интерес разговаривать и время тратить.

Эх, как бы мне до него дорасти...

Высота развития человека, о которой говорил мальчик, представлялась мне, как большая лестница, и мне на неё надо залезть. Я уж как будто чувствую под ногами ступеньки этой лестницы. Будто они прогибаются у меня под ногами, потрескивают, вся лестница скрипит, дёргается и вот-вот упадёт, даже страшно. Вниз лучше не смотреть, а то упасть можно. Лучше вверх смотреть, видно, где лестница кончается. А куда эта лестница приставляется? Надо посмотреть.

И вот долез чуть не до неба — и наконец последняя ступенька. «Ну, а теперь что?» — думаю.

Вниз слезать неохота. И скучно. И вообще не стоит.

И вот как будто эта ступенька отделяется от лестницы и я на ней сижу и лечу.

Как же это она может летать? С моторчиком, что ли? А кто этот моторчик приделал? Я, например, никакого моторчика даже не видел ни разу. Мне его и не сделать.

Но надо что-то делать. И начинать, наверно, надо с моторчика.

Летать — это, конечно, здорово. Летишь над всеми, сверху всё видишь. Другие пешком по земле шагают. А я летаю выше всех...

Вы, наверно, думаете, мне это во сне снится?

Ничего подобного. Наяву представляется.

Во сне я и без моторчика прекрасно летаю. Что мне моторчик!

Но где же мне всё-таки этот моторчик взять?

Вообще-то в игрушечных машинах бывают моторчики. Я это и раньше знал, да не обращал внимания.

И вот взял я свою игрушечную машину. Катал, катал. Мне нравилось, как машина сама ездит.

Ездила, ездила. И вдруг остановилась — моторчик заглох. Стал я разбирать машину. Сначала батарейку снял. Потом докопался до моторчика. Вот он. Крепко сидит и не вынимается.

Вытащил.

Вот он какой! Совсем маленькая штучка. Посмотрел на неё со всех сторон. Интересно.

Стал я машину чинить. Моторчик на место поставил. Все части соединил. Особенно долго кабину приделывал, думал, что это самое главное. Там сиденья красненькие.

Возился, возился, устал. Наконец всё сделал.

Не поехало!

Настроение ужасно испортилось. Делать ничего не могу.

Родители скоро про уроки спросят. Уроки учить совсем не могу. Есть не хочу. Так устал, что спать хочу. Я лёг, укрылся одеялом с головой, чтобы дневной свет не мешал засыпать.

Мысли всякие лезут и спать не дают. И все про моторчики. Если подумать — они везде, эти моторчики. В основном в машинах, конечно. А машины — везде.

Это я тоже раньше знал. Но сейчас как будто всё заново увидел. От этого мне вдруг жарко стало, я подскочил на кровати, и сердце так забилося, что даже слышно.

Я встал и хотел пойти на улицу. Но не так-то просто в нашем доме встать и куда-нибудь пойти. Собака привязалась. Ей как раз время гулять. Ладно уж, возьму её с собой, всё равно её надо выводить.

И вот собака бежит вниз по лестнице, я — за ней. А в это время кто-то на лифте поднимается. Лифт — ведь это тоже машина. Нажмёшь кнопку — запустишь, значит, машину — и она вверх-вниз двигается.

Но меня уже не удивляет, что машины ездят. Я думаю, почему люди ходят. Разве есть у них моторчики?

Я оглядываю себя, верчу головой во все стороны. И думаю: почему вертится моя голова?

Вдруг кот молниеносно как выскочит — и прямо мне под ноги. Я чуть было не упал.

— Брысь ты, моторчик! Только тебя тут не хватало! — кричу коту. Моя собака за ним кинулась. А он в одно мгновение на дерево вскарабкался. Он залезает всё выше, выше. Вот он уселся на самой верхней, самой тоненькой ветке. Собака лает на него под деревом. Я с удивлением смотрю на кота. Он там неплохо устроился. Он посматривает на нас двоих и как будто смеётся над нами. Ни мне, ни собаке его не достать. Выходит, нашим моторчикам за его моторчиком не угнаться.

Вдруг слышу:

— Ты можешь залезть на дерево и достать моего кота? Твоя собака его туда загнала. — Эта та девчонка, которая вчера дразнила собаку.

Может быть, сегодня она этого кота дразнить собирается? Мне это совсем не нравится, и я говорю:

— Я полез бы, но надо сначала подумать.

— Пока ты будешь думать, кот на другое дерево удерёт.

И правда, ближайшее дерево совсем рядом, и кот вполне сможет на него перебраться. Третье дерево тоже, между прочим, близко.

— Тогда я сама за ним полезу, — и начала карабкаться. «Залезет, — думаю, — застрянет там — тогда и её и кота придётся снимать. В два раза больше работы».

— Ладно, — говорю, — давай я сам слазаю.

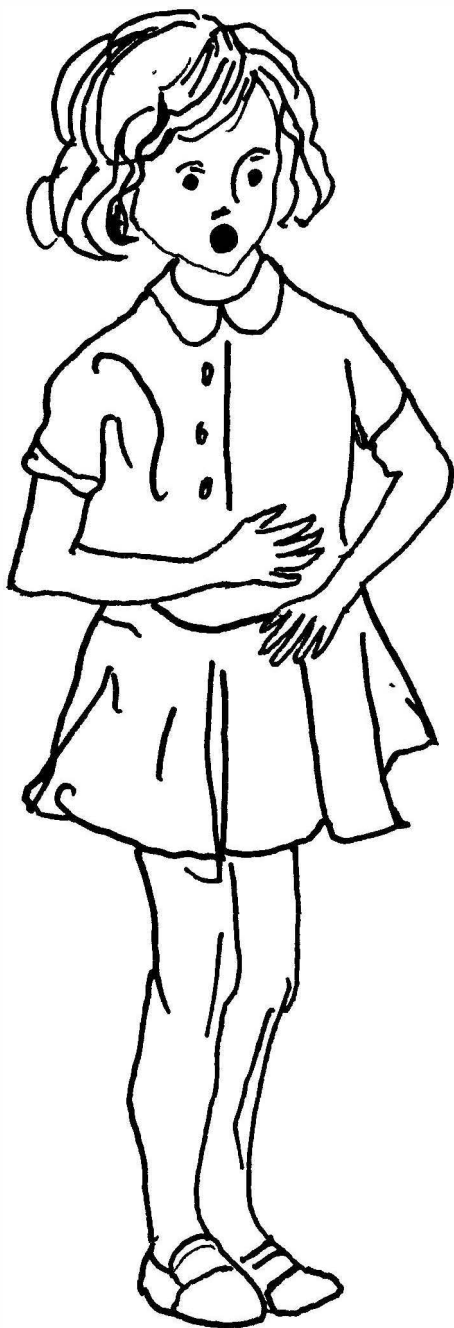
И я полез на дерево за котом. Пролез немного и устал.

— Кот далеко, — говорю ей сверху.

А она кричит:

— Давай, давай, близко!

Но я не верю, что кот будет ждать, когда я его схвачу. По-моему, он не такой дурак.

А я дурак, что ли, лезть за ним зря на самую верхушку.

И вот я дальше не лезу. Сажу на дереве, ни туда ни сюда, и нарочно говорю:

— Не могу дальше лезть.

— Давай, давай, — говорит, — дальше полезай!

— Я могу упасть, — говорю.

— А ты держись крепче! — говорит. Вот завелась, хуже любого моторчика.

— А что, интересно, тебе от этого кота нужно? — спрашиваю.

— А чего он от меня убегает. От тебя твоя собака не убегает. А он убегает.

«В самом деле, — думаю, — я никогда не видел, чтобы кошки слушались, как собаки».

— Кошки — это тебе не собаки, — говорю. — И всё у них по-другому.

— Эх, только бы мне поймать моего кота! — говорит девчонка.

— Ну и что? — спрашиваю.

— Я ему покажу «по-другому», — говорит.

«Ах так, — думаю, — попробуй поймай». И я слезаю с дерева. Отдышался и говорю:

— Я раньше не знал, что коты умеют лазать по деревьям. Оказывается, здорово могут.

— Я тоже только сейчас увидела.

И опять я думал, что у девчонки, у кошки, у собаки, наверно, есть какие-то моторчики.

Но ей я об этом ничего не сказал. Она бы не поняла. А объяснять было трудно.

Вдруг подул ветер. Деревья зашумели, закачались. Кот испугался. Он обхватил ветку всеми лапами. Потом осторожно стал цепляться когтями и слезать задом вниз, развернулся, спрыгнул на землю и понёсся по улице. Девчонка кинулась за ним что есть мочи. Моя собака бросилась следом и всё время оглядывалась на меня, почему я стою, а не бегу тоже.

А я стоял и смотрел, как они бегут, как ветер дует, деревья качаются, по небу облака мчатся, птицы в разные стороны разлетаются.

Потом я позвал мою собаку. Я протянул руку, погладил её. А в руке есть мотор? А палец почему двигается? Тоже моторчик? Мне стало смешно — и тут я подумал про мотор смеха. А другие, интересно, знают об этом или нет?

Я отвёл собаку домой и пошёл к этому мальчику спросить, что он думает про эти самые моторчики.

На улице уже вовсю лил дождь. Я сразу промок. Вода стекала с меня, когда я пришёл к нему, и мокрые следы оставались на полу. Я не знал, что делать с этими следами, и растерянно сказал:

— Я ужасно не люблю дождь. И вообще плохую погоду.

И он сказал:

— Все не любят плохую погоду.

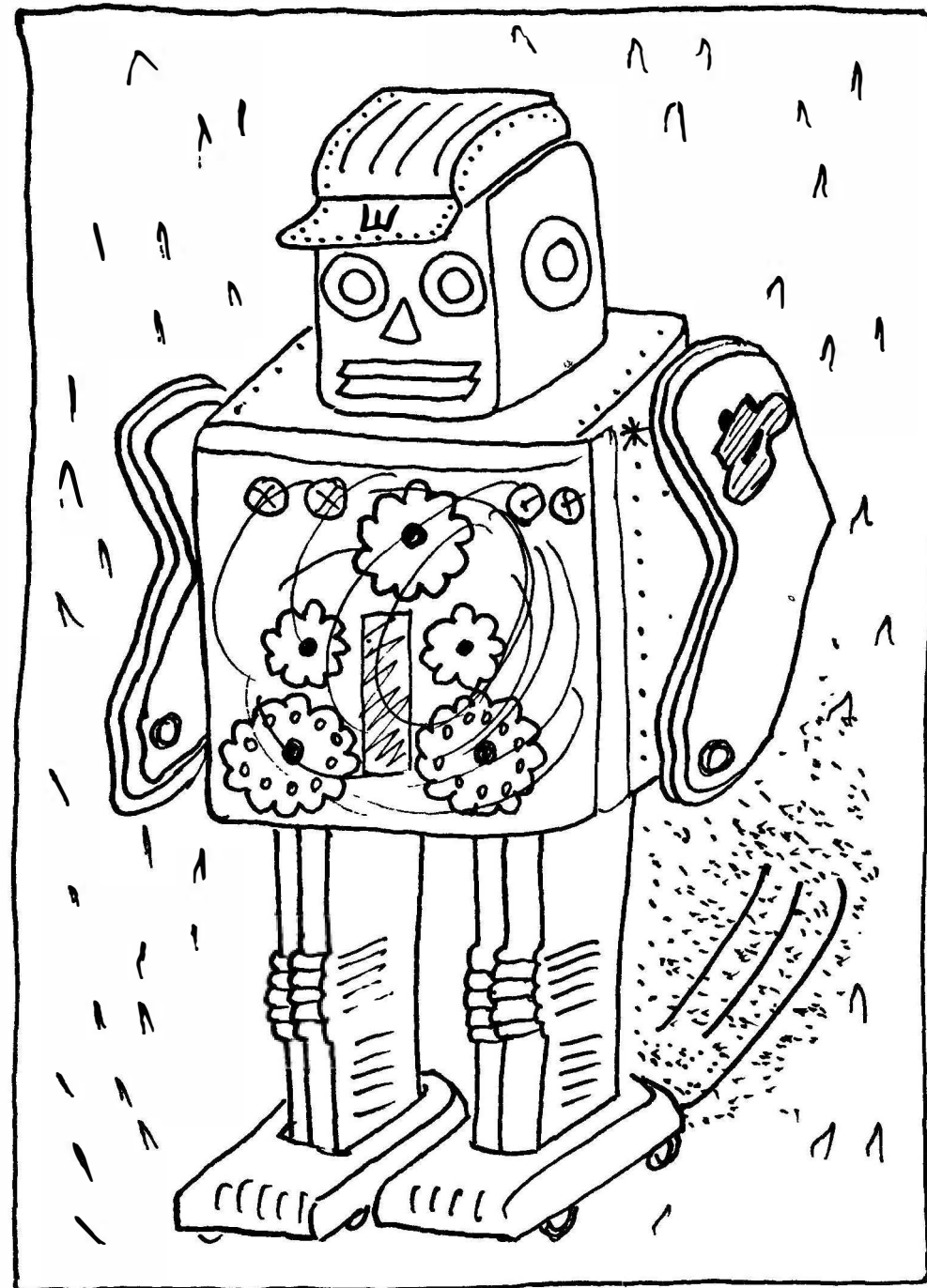
«Вот я дурак, — подумал я про себя, — сказал бы лучше про то, что люблю». И сказал:

— Ужасно люблю ездить, летать, только не ходить пешком.

Он на меня поглядел и сказал:

— Это все любят.

Слово «все» меня разозлило: как это «все»?

— Не могут все думать, как я. Неужели все любят то же, что и я?

— Ага, — говорит он.

— А ты?

— И я, — сказал он.

— А почему же все тогда пешком ходят? — Я видел в окно, как люди пешком идут домой с работы.

— А что делать? — сказал он.

— Как это что, — говорю. — Я, когда вырасту, машину себе куплю.

— Ну и что, — сказал он. — Все так думают, когда маленькие. А можно придумать что-нибудь поинтереснее.

— Да! — удивился я. — А что?

— Не знаю, — сказал он.

— Я об этом сейчас думаю, — говорю.

— А что тут думать. На самолёте можно полететь куда хочешь. Ты на самолёте летал?

— Нет ещё, — говорю.

— Ах, не летал! Ну вот и раз мечтался. Пора полететь тебе на самолёте куда-нибудь с родителями. Сейчас все летают.

— На самолёте-то все летают, — говорю. — Это я тоже могу.

— А слышал ведь, наверно, сказки о ковре-самолёте, о Карлсоне.

— Слышал, — говорю. — Только ведь это сказки. Я их никогда всерьёз не принимал.

— Почему же, — говорит. — На чём хочешь можно летать, если приставить моторчик...

«Ага, моторчик!» Я так и думал, что моторчик — очень важное дело. Вот бы побольше поговорить про моторчики.

— Моторчик — это да, — говорю.

— Правильно, — говорит. — Вот смотри моторчик. — Он достал с полки игрушку — робота — и покрутил сбоку ключик. И робот пошагал по полу ко мне. В животе у него

крутились колёсики, высекались искры, как будто там что-то переваривалось. Робот равномерно махал руками, а иногда поправлял на голове кепку. Так интересно! Я сказал:

— Я люблю, когда что-нибудь само двигается. Когда я первый раз ехал на поезде, то не мог от окна оторваться. Я был маленький, и мне казалось, что вся земля едет, а вовсе не поезд, в котором мы сидим. Я-то ведь сидел на месте, не двигался.

— Ага, — сказал он. — Возьми с собой робота. Поиграешь дома. К моторчику приглядишься.

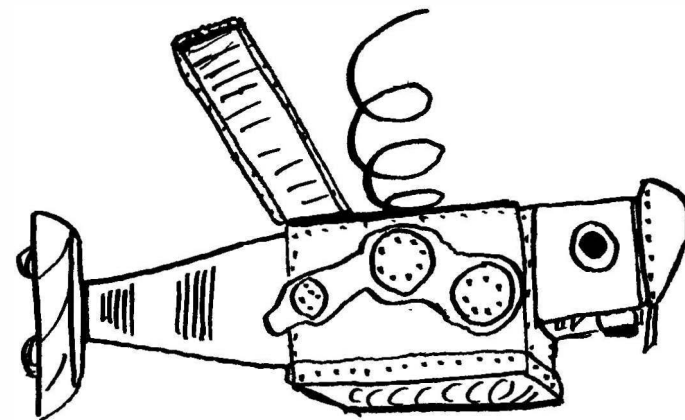
Я принёс робота домой и весь вечер гонял его по дому. Потом решил всё-таки заглянуть в его моторчик и приподнял ножиком спинку. Потом ещё чуть-чуть подцепил ножом. Вдруг раздался треск, все колёсики вылетели и железная пружинка ударила меня по носу.

Я испугался, что сломал чужую игрушку.

Смотреть на развороченный моторчик было печально. Но я не хотел обращаться к отцу за помощью. Он обязательно спросит про уроки, а мне сейчас не до них.

Я извинюсь перед мальчиком, раз так вышло. Я знаю: извинения — хорошая вещь. Когда извиняешься, хвалят за вежливость.

— Извини, пожалуйста, — сказал я, когда пришёл к нему опять. — Он заглох...

— Я так и знал, — сказал он, — что ты внутрь полезешь. Ну ничего, сейчас я починю.

— Ты сам, что ли, будешь чинить? — удивился я.

— Оставайся, если хочешь, сделаем вместе.

В общем, он подогнал зубчатые колёсики одно к другому. Вставил пружинку на место. Поправил кремень, который искрит, когда колёсики крутятся. И прикрепил спинку. Потом завёл робота ключиком — сильно закрутил пружину. И эта пружина должна медленно раскручиваться и вертеть эти самые колёсики.

И робот опять зашагал.

Всё очень просто.

Я был рад, что игрушка исправна.

Но я был не рад, что простейший мотор не мог починить сам. Я был не рад, что всё равно не узнал, отчего всё двигается.

Уроки опять не выучил и получу новую двойку.

Вася, наверно, все выучил, ведь я ему совсем не мешал.

И вот опять сижу с ним рядом и молчу. Мне не о чем с ним разговаривать. Он ведь всё равно, мне кажется, ничего не сможет понять. Он же не думал всё это время про моторчики. А рассказывать пришлось бы долго.

Я сижу молчу и слушаю учителя. Хоть я и не сделал уроки, но мне всё понятно, что учитель рассказывает. Значит, моторчик в голове работает. Чувствую, умнее становлюсь.

Учитель смотрит на меня — вот-вот сейчас вызовет.

И вызывает.

И я всё совершенно правильно ему отвечаю. Мне кажется: это всё очень просто. Как будто я действительно вырос уже и теперь у меня будет всё по-другому.

И мне всё кругом нравится.

Только одно мне не нравится: я не спросил, как зовут знакомого мальчика. Всё время забывал спросить его имя.

И тут я подумал: имя у человека обыкновенное бывает Андрюша, Серёжа, Петя, Вася... Но он всё-таки необыкновенный мальчик.

И он мой друг. Вчера он мне сказал: «Приходи завтра»

Хороший день. Замечательный. Пять пятёрок получил. Никогда столько не было. Правда, не все поставили. Но я чувствую, что могли бы поставить. Удачный день — ничего не скажешь. Отличное настроение. С таким настроением я не могу вместе с Васей плестись по лестнице. Пусть он один плетётся, а я лучше на улице его подожду. И вылетаю из школы.

На улице дождь зачастил. Но наши ребята играют в футбол прямо под дождём. Я стою смотрю.

Сегодня мне и дождь нипочём, даже нравится. Смотрю, как ребята мяч гоняют прямо по лужам.

Сейчас Вася выйдет и я ему скажу: «Видал, как надо учиться!» Он обязательно спросит: «Чего?» Никогда сразу не понимает. А я ему объясню: «Думать, брат, надо. А ты всё уроки учишь, учишь, стараешься, как чёрт, а толку мало».

Вот я ему урок покажу.

И чего он там копается, столько времени не выходит. Стою жду и думаю: «Вот сейчас ему шапку на нос нахлобучу, будет он тогда «чего» спрашивать. Совершенно неинтересно разговаривать с таким человеком. Но не одному же идти домой с таким прекрасным настроением. Надо обязательно с другом поделиться».

Вдруг мяч мне в лоб как даст!

Этот мокрый, грязный, холодный, тяжёлый, как булыжник, мяч, который ребята гоняли по всем лужам!

Какое безобразие! Что они там своих ворот не видят, что ли? С ума, что ли, сошли?

Я как заорю:

— Вы что, не видите, куда бьёте!

— Да мы нечаянно, — говорят. — Хотели в ворота, а мяч в тебя полетел. А ты бы на ногу взял его, а ты бы отбил его, а ты бы в сторону отскочил, в конце концов, — чего ты тут стоишь, — говорят.

Я совсем рассвирепел, бегу на них драться.

А они на меня пальцами показывают и смеются. Потому что всё лицо у меня грязное от мяча. Им смешно. А я не знаю, что мне теперь делать с моим лицом. А они хохочут. Сами виноваты, а говорят, я же и виноват.

Ох и зло меня тут взяло.

Вытираюсь кое-как рукавами. Грязь только размазывается, и ребята ещё больше смеются.

А ведь из-за Васьки всё получилось. Он там так долго копается.

Домой с таким лицом невозможно показываться. Да как домой-то добратсья? Все рукава у пальто грязные. Лицо грязное. Ребята смеются. Измучился я.

И тут Вася наконец появляется и ко мне подходит. Видит, в чём дело, и вынимает из своего кармана носовой платок.

Чистый белый носовой платок. Вася его берёт и вытирает мне лицо и ещё успокаивает:

— Ничего, — говорит, — не заметно, не волнуйся, — и всё такое.

Вася провожает меня до дома, а я в это время думаю: «Вот так урок! Ведь я же хотел ему урок показать, а выходит, Вася мне урок показал».

Нечего было мне задаваться. Шёл бы спокойно домой, и всё. А вот остановился — и удар получил. Зря я, дурак, там стоял, двигаться надо было, а не на месте стоять.

Всё время двигаться, что ли? И останавливаться нельзя? Я совсем запутался.

А Вася пошёл домой со своим платком.

Вдруг я кинулся его догонять, сам не знаю зачем. Догнал его и спрашиваю:

— Где твой платок?

— Вот, — говорит Вася. И вынимает запачканный грязью, мокрый, мятый платок.

— Жалко платок, — говорю. — А откуда он у тебя?

— Мне дома дают платок.

— Извини, — говорю.

— За что?

— За платок, — говорю.

— Ничего, — говорит, — мне другой дома дадут.

Я прибегаю домой и говорю:

— Почему мне не даёте платок?

— Какой платок тебе надо?

— Носовой, конечно, какой же ещё, — говорю.

— А ты сам бери, — говорит мама.

— Где его брать?

Мама подводит меня к шкафу и показывает целую гору носовых платков.

— А я не знал, — говорю.

— А ты знай, — говорит мама.

На другой день в каждый карман я положил по платку. Гора платков в шкафу сразу стала намного меньше — у ме-

ня оказалось порядочно карманов. Я ни на минуту не забывал про свои карманы, потому что в каждом был чистый платок. Я вынимал их по очереди и всё время вытирал нос, хотя этого не требовалось, но не зря ведь платок носовым называется. Мне очень нравились мои платки. Один был в клеточку, другие в полоску.

За это я получил в школе замечание: «Весь урок занимался носовым платком».

Дома отец спросил:

— Ты что сегодня такой сердитый?

— Вот, — говорю, — видишь? — И показываю ему замечание. Мне казалось, он должен похвалить меня: ведь у меня при себе носовой платок, и осудить учителя, что он не понимает, как это здорово. — Вот, — говорю, — платки виноваты. — Я вынимаю их все из карманов и бросаю на стол. Мне кажется, что чем их больше, тем лучше.

— Зачем тебе столько? — удивляется отец. Он отбирает все платки и отдаёт их маме.

— Что же человеку без платка ходить, что ли? — говорю.

Отец говорит:

— Занимаешься мелочами, вместо того, чтобы делать в школе главное — слушать учителя.

— А вот и нет! — говорю.

— Согласись, что я прав, — говорит отец.

— Почему это ты прав? — говорю.

— Знаешь, — говорит, — такое моё мнение, так мне кажется, такая мысль у меня мелькнула, — и смеётся.

Особенно мне последние слова про мысль понравились.

И тут вдруг я почувствовал, что и у меня мысль мелькнула. Мелькнула или не мелькнула? Кажется, мелькнула: отец неправ! Я тут же решаюсь с ним поспорить.

— Отец, — говорю я. Первый раз в жизни я называю его «отец», а не «папа». Мне кажется, так лучше звучит, когда имеешь своё собственное мнение. — Я ни за что с тобой не соглашусь!

— Как так? — удивляется папа.

— Платок вовсе не мелочь. А самое главное дело.

И я рассказал ему, как Вася меня выручил.

Папа выслушал меня и тоже стал спорить:

— Дело тут было не в платке, а в человеке. В Васе всё дело. Он оказался неплохим человеком: сообразительным, добрым.

Тут я снова почувствовал, что опять у меня в голове мысль мелькнула, и продолжаю спорить:

— Послушай, — говорю, — отец, а что бы делал этот добрый человек, если бы у него платка с собой не было?

— Как сказать, — говорит папа. — Наверно, он что-нибудь бы придумал.

— Вот если бы у него не было с собой платка, тогда бы ему надо было что-то придумывать. Но у него был платок.

И это было самое главное дело. Согласись, что это так, — говорю.

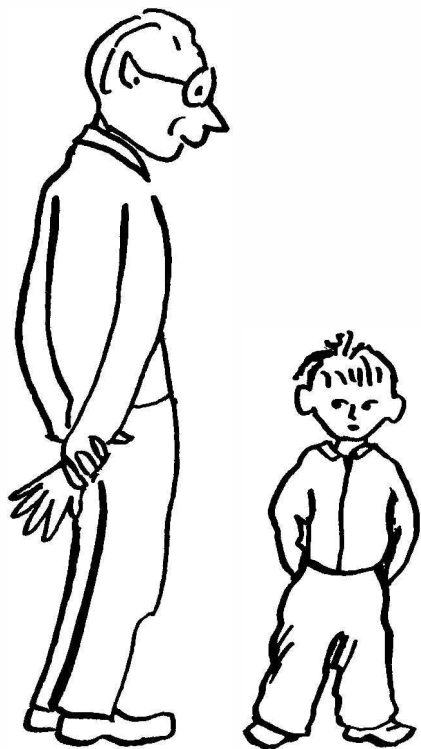
Не знаю, согласился ли со мной мой отец. Только он полез к себе в карман и проверил, есть ли у него носовой платок.

Платок в кармане был.

Между прочим, я тоже один платок себе оставил в маленьком кармашке на всякий случай.

А утром ещё один платок с собой в школу прихватил.

И вот опять я в школе сижу. Спокойно сижу на уроках. Ни с кем не разговариваю. Не с кем просто. Никто ведь ничего не понимает. У меня всё в порядке. Целых два чистых носовых платка при мне на всякий случай. Вот я и жду подходящего случая, когда вдруг мой чистый платок понадобится.

В тетради аккуратно упражнение пишу, в другой тетради ужасно сложные примеры совершенно правильно решаю.

Стараюсь прямо сидеть.

На перемене не бегаю, чинно прогуливаюсь по коридору.

Но не дают человеку покоя. Всё время подбегают и дёрают. А учитель даже спросил:

— Ты что, брат, болен? Нет? Что же ты сегодня ходишь, будто кол проглотил?

— Какой кол? Никакого кола не было, — удивляюсь я.

— Палку, значит, — улыбается учитель.

— Ах палку, а я уж об оценке подумал. А какую палку?

— Ну ладно, ладно, иди, всё в порядке, — сказал Пал Палыч.

Вот именно — всё в порядке.

На следующем уроке у меня опять мелькнула мысль: «Я всё же аккуратный человек. Я ведь **ОЧЕНЬ** аккуратный человек. Я даже **САМЫЙ** аккуратный человек в нашем классе, а может быть, во всей школе!»

После этого меня как будто что-то подтолкнуло изнутри, будто какой-то дополнительный моторчик завёлся, и я уже больше не мог сидеть на месте. И ходить больше тоже не мог. Я кинулся на всех драться. Не просто так кинулся, а чтобы всем показать: я **САМЫЙ** сильный человек.

Я действительно побил всех, которые попались мне под руку и не успели убежать. У меня мелькнула мысль: куда же это они разбегаются? Не могут сообразить, что драться надо, сопротивляться, а не разбегаться.

Вдруг как заору:

— Чтoб я больше вас не видел! Слышите?

А они смотрят на меня и ничего не понимают.

Я поглядел на свои кулаки и сказал:

— Ну то-то! Кто полезет — получит!

Ничего совершенно не сообразили. Но объяснять тут некогда.

Гордый, я шёл домой.

В прихожей у нас стоит большое зеркало. Оно давно стоит, но я его почти не замечал, а тут решил посмотреть на себя в это зеркало.

Посмотрел. Вытер пот со лба платком. Волосы поправил. Ещё раз как следует на себя посмотрел. И тут у меня мелькнула мысль: между прочим, я, пожалуй, самый красивый мальчишка из всех, которые тут ходят.

Конечно, это так и есть. Все должны об этом знать. Да все, наверно, и так знают.

Зеркало осталось стоять на своём месте, а я побежал. Я бежал к Васе как можно скорей застать его дома.

Застал.

И тут я сразу увидел, какой Вася хилый. Во рту зуба нет. Какой-то растерянный.

Тут-то я его и решил ошарашить.

— Ты знаешь, говорят, я самый аккуратный, самый сильный, самый красивый человек.

— Кто говорит? — испугался Вася.

— Все говорят. Думаешь, нет?

— Ну да, не может быть...

— А ты что, не видишь, что ли?

— Так не бывает... — лепечет Вася.

— Ну и дурак же ты, — говорю.

Нечего мне с ним больше разговаривать. Ясно, он ничего не понимает. Ни чуточки.

Ну и пускай дома сидит, а я пошёл.

У кого бы ещё спросить про это самое? Ага, а бабушка на что? Старые люди бывают самые умные. Они всё знают да помалкивают. Потому что никто у них ничего не спрашивает. А вот я и спрошу.

И спрашиваю как самый вежливый человек на свете. Самые первые слова у меня теперь «пожалуйста» и «извините».

— Скажи, пожалуйста, бабуля...

— Не знаю, не знаю, ничего не знаю...

Я ещё и заикнуться не успел, а она уже не то мне отвечает.

— Да погоди, пожалуйста, извини... Понимаешь, бабуля, я сегодня избил всех!

— Господи! Не дай бог, — говорит.

— Лезут все, понимаешь. Я всех и раскидал. Я самый сильный, правда?

— Ой, ой, ой, батюшки светы...

— Да не батюшки, не батюшки! Ты на меня погляди: улыбка что надо. Зубы все давно выросли.

— Хороший мальчик, — говорит бабушка.

— Говорят, я самый красивый мальчишка!

— Верно говорят, — говорит бабушка. — Умный мальчик, красивый. Зря люди не скажут.

— Бабушка, а это правда?

— Правда, истинная правда, — говорит бабушка. — Я врать не буду.

— Надо маме про это сказать. Скажи ей, пожалуйста сегодня, бабушка. Скажешь? Да?

— А как же. Скажу, скажу дочери... всё скажу.

— Ну ладно, — говорю, — извини, пожалуйста.

Ну вот видите, всё как есть подтвердилось.

Осталось до ужина подождать. Все сядут за стол. Вся семья в сборе. И бабушка всё, что нужно, всем объявит. Пускай родители знают, какой у них сын.

Вот наконец собираются. Только отец у себя в комнате задержался. Да и лучше, что его нет. Начнёт шутить. А мне не до шуток. Я человек серьёзный.

Сидим едим. Я пристально смотрю на бабушку. Неужели не понимает, что пора начинать. Всё сначала, что ли, ей объяснять? Толкаю её локтем и смотрю ей прямо в глаза. Она отодвинулась от меня и как ни в чём не бывало продолжает закусывать. Никогда не думал, что у неё такой зверский аппетит.

На ногу ей незаметно наступаю. Надо же ей напомнить. Она как вскрикнет и хлеб уронила на пол.

Я как человек вежливый кидаюсь кусок поднимать.

— Вот, пожалуйста... — говорю.

— Молодец, — говорит мама. — Спасибо.

— Я вообще, если хочешь знать, самый вежливый, самый красивый, самый сильный человек.

— Почему? — спрашивает.

— Говорят.

— Кто сказал?

— Весь город, — фу ты! — вся школа говорит.

В это время как раз отец появляется. Как всегда не вовремя. А он, наверно, считает, как раз в самое время. Интересно, он слышал или не слышал наш разговор?

Говорит:

— Не понимаю, зачем же быть и самым глупым человеком?

Фу ты, чёрт, слышал, оказывается.

Мама стала смеяться.

Но я решил не сдаваться.

— Почему глупый? А вот и нет!

— Ну, что ты красавец, каких мало, я, положим, сам вижу. Не спорю. Согласен. Но в чём, в каком конкретном деле ты показал свою силу? Расскажи.

Я даже вспотел. Платком своим вытираюсь. Весь красный. Подавился. Закашлялся. «Чего, — думаю, — отец родной к сыну пристал?»

А он не отстаёт.

— Нельзя быть просто так сильным. Не бывает. Враньё это. Вот если, скажем, отцу или матери какое-то дело трудно, не под силу, не справиться, а сын может их выручить, тогда понятно — он сильный.

— Ну да, — говорю. — Ты неправ. Такого дела не будет.

— Как не будет? Обязательно будет!

— Ты хитренький, нарочно говоришь, чтобы я ждал?

— Подожди немного.

— Дай честное слово, что, правда, будет.

— Честное слово, будет! Все твои дела впереди.

— А долго ждать?

— Не долго. Я постараюсь поскорей.

— Ну тогда ладно, — говорю. — Всё в порядке.

Фу ты! Вытер я последний раз пот с лица. Сразу легче стало. Пока можно жить спокойно.

И чего я выдумал, сам не знаю, как это вышло.

Иечером нормальный человек, у которого всё в порядке, ложится спать.

А утром нормальному человеку вставать лень.

Спать хочется. Но он, видите ли, всё равно должен вставать и идти в школу.

Вчера я в школе дрался. Не пойду сегодня в школу! Я даже подпрыгнул в постели, до чего мне это по-

нравилось. Родители давно на работе. Бабушка спит, наверно; её не слышно. Я ей скажу, рано. Она мне поверит, я знаю.

Я натянул на себя одеяло.

Вдруг кто-то сорвал с меня одеяло...

Тьфу, наша собака Пташка. Вот не ожидал. Ни разу с меня одеяло не стаскивала, а тут пожалуйста. Покоя не дают нормальному человеку. Хочешь не хочешь, всё равно будут будить, кормить, провожать в школу, а там уроки спрашивать.

Делать нечего. Я сам встаю, одеваюсь...

Сначала я решил зайти к этому мальчику. Подошёл к его двери, Звонить не стал. Это нормальные люди утром встают. А он ведь необыкновенный, наверно, ещё спит. Ему в детский сад даже не надо. Вот жизнь у человека! И как ему это удаётся? Я сел на ступеньку лестницы, посидел, позавидовал: неохота быть нормальным человеком. Но не сидеть же тут, когда все нормальные люди сейчас в школе сидят. Я отправился в школу.

После уроков опять подошёл к этой двери и позвонил в звонок. За дверью было тихо. Никто не открывал. Я звонил ещё, ещё раз. Открылась соседняя дверь, старик сосед выбежал размяться. Он сказал, там никого нет дома. Они все улетели.

— Как улетели? Навсегда улетели?

— Вернутся.

— Они на самолёте улетели? — спрашиваю.

— Конечно. Я слышал, они отправились полетать на дельтапланах.

Ну вот, необыкновенные люди на дельтапланах летают, а я даже толком не знаю, что это такое. Мне стало печально.

Домой я решил не спешить. В школу больше совсем не ходить.

Брожу по улицам. На улице стало холодно. Но я нарочно распахнул пальто и снял шапку.

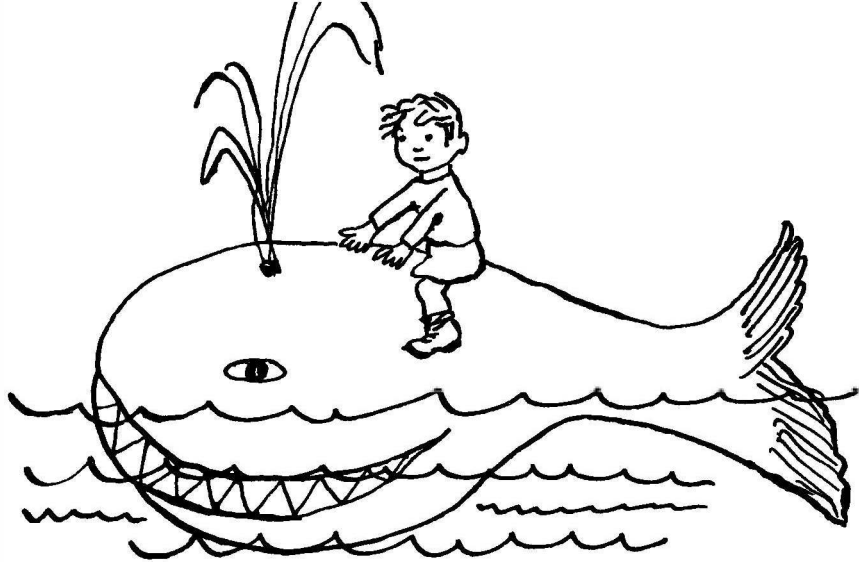

Я знаю, необыкновенные люди могут ходить по снегу босиком, зимой в мороз в проруби купаться. И им от этого не холодно, а даже жарко.

А я сижу всё время дома в тепле, потому ничего не знаю, ничего не могу, и голова даже не работает.

Чувствую, постепенно замерзаю. Тут я вспомнил, что есть на свете жаркие страны, где никогда не бывает холодно. Представил себе такое и будто теплее стало.

В жарких странах, я читал, и звери живут необыкновенные. Не то что здесь — одни кошки да собаки. Там бегемоты живут, крокодилы и другие разные звери.

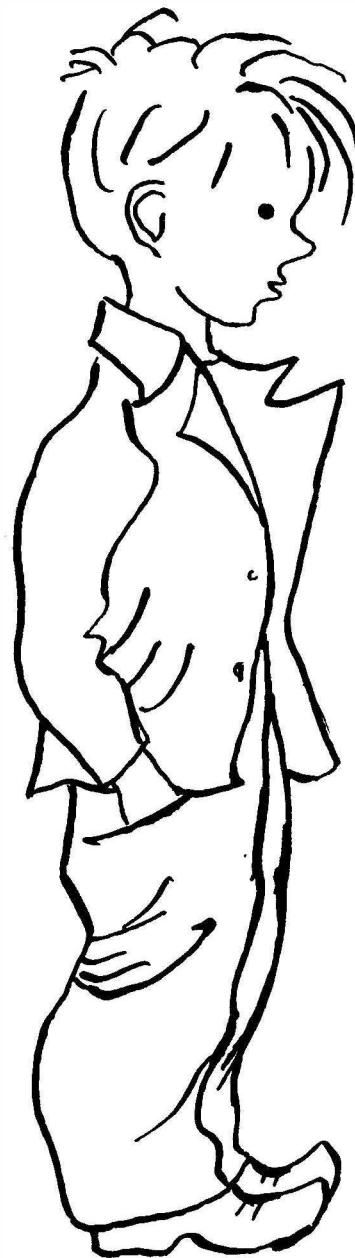
Вот жил бы среди необыкновенных зверей, и сам, может, был бы необыкновенным. И что мне крокодилы? Мне и крокодилы были бы нипочём.

Одни крокодилы лезут в голову, а больше ничего не лезет. От холода, наверно. Вот привязались, вот втемяшились.

Подходит как будто ко мне крокодил и говорит человеческим голосом:

— Смотри-ка, совсем замёрз, весь посинел, дрожишь. Простудишься.

— Ну уж нет, — говорю. — Пускай другие простужаются. У меня есть задача поважней. Мне совсем не холодно, а жарко, если на то пошло.

Ходил, ходил по улицам, незаметно как-то домой пришёл.

Всю ночь мечтал о необыкновенном, которое сбылось.

Утром возле своей кровати я увидел отца, мать, бабушку и доктора в белом халате.

— Ну вот, наконец он открыл глаза, — сказала мама. — Как ты себя чувствуешь?

— Всё в порядке, — говорю.

— Ничего себе в порядке: всю ночь бредил от жара. Мы не могли тебя разбудить. Думали, ты вовсе не проснёшься. Доктор, что же делать?

— Придётся лежать. Очень сильно ребёнок простудился.

— Я не простудился! — закричал я.

— Тише, тише, — сказал отец. — Что с тобой?

— Потому что я не простудился! — опять крикнул я.

— Опять бредит, — сказала мама.

— Ничего, поправится. Он парень сильный, — сказала доктор.

«Хорошо, что не надо вставать, как всем нормальным людям», — подумал я и уснул. Мне снились полёты, я не хотел открывать глаза, так мне это нравилось.

Когда мне надоело всё время спать, пришёл папа и стал со мной беседовать.

— Как же это тебя угораздило так здорово простудиться. Первый раз в жизни ты заболел.

— Я не от простуды заболел, — твердил я.

— Отчего же?

— Оттого что я нормальный, обыкновенный человек и мне ужасно скучно.

— Что ты ерунду городишь, опять бред какой-то. Хотя... погоди, ты всё время кричал во сне, что ты хочешь быть необыкновенным мальчиком. Каким же ты хочешь быть?

— Да, я хочу быть необыкновенным. — И я громко заплакал.

— Опять с ребёнком истерика, — сказал папа.

— Это не истерика! — заплакал я ещё громче. — Я правда хочу.

— Да ты совсем ослабел. Успокойся, малыш, успокойся. Это не легко. Чего тебе да и нам всем стоит. Зачем тебе это, малыш?

— Надо! — сказал я сквозь слёзы.

— Ладно, — сказал папа. — Что-нибудь мы с тобой обязательно придумаем. Даю тебе честное слово. — Он вытер мне слёзы своим платком.

Что же папа необыкновенное придумает — интересно?

А пока он ещё не придумал, я сижу на стуле и тоже думаю: что мне делать?

Ничего не придумывается.

Я ещё сильнее думаю, раскачиваясь на стуле так, что стул трещит и шатается. Но делать мне всё равно нечего.

Когда папа с работы пришёл, я его сразу спросил:

— Ну, что ты придумал?

— Ты о чём? — спросил папа.

— Ты же вчера обещал что-нибудь необыкновенное придумать.

— Ах, вот оно что! Обязательно сегодня, что ли, надо? Я между прочим, с работы...

— А ты что, целый год, что ли, будешь думать?

— Есть ещё время. Куда торопиться?

Ох и расстроился я после этого.

Он думает долго, а мне ждать неохота!

От досады я стал так раскачиваться на стуле, что стул развалился и я на пол грохнулся.

Вскочил. Собрал части стула и в сторонку отодвинул, никто не увидит. Когда все уйдут, возьму и сам починю.

Вот будет у меня дело.

Они ушли, а я один остался.
Смотрю в окно: вон они идут, бабушка с кошёлкой и моя собака Пташка. Пташка рядом с бабушкой бежит, на дом оглядывается, наверно, хочет мне лапой помахать.

Небо синее. Облака. Солнце светит, и деревья качаются. Кругом летают воробьи и к нам на подоконник садятся.

Хорошо на улице.

Но мне надо стул починить, который я сломал вчера. Пока никто об этом не знает. Здорово я думал, так что стул не выдержал, развалился.

Сначала в кухню пошёл. Открыл холодильник, там еда разная. Надо подкрепиться.

Я взял хлеб. Отрезал кусочек и солью посыпал. Попробовал. Вкусно. Но ещё чего-то хочется.

Я взял из холодильника яйцо и сварил его.

Я ел хлеб с маслом, с яйцом и солью. Очень вкусно. Но ещё чего-то хочется.

Варенья с хлебом поел. Ещё чего-то хочется.

Пить хочется. Вот молоко — молока попил. Киселя попробовал. Воды захотелось.

Налил из крана в стакан воды. Выпил воду — наконец наелся!

Правильно бабушка говорит: хлеб самая вкусная еда, а вовсе не пирожные. С хлебом всё можно есть. Без хлеба было бы хуже.

Ушёл из кухни. Взял молоток и гвозди.

Я вколачиваю в стул побольше гвоздей, чтобы он крепче держался и больше никогда не разваливался.

Готово. Можно спокойно кому хочешь садиться и сидеть. Ни за что не сломается.

Ещё один гвоздь в стену вбиваю. Свой портрет на него повешу. Фотографию. Чтобы все видели, какой я толковый человек.

Убрал молоток.

Сел на свой стул.

Так. Всё в порядке. Никто не может сказать, что в доме некому гвоздя забить.

Смотрю на свой портрет.

Хороший, между прочим, портрет получился.

Улыбающийся!

Мак, значит. Всё в порядке. А дальше мне что делать? Сажу на стуле и быстро соображаю. Одного дома оставили, ушли...

Вдруг слышу: в доме кто-то есть. Кто-то ходит. Пошёл на цыпочках и заглянул в кухню.

На столе сидел воробей и клевал остатки яйца. Он заметил меня и мигом вылетел в открытую форточку.

Вот интересно. Я подбежал к окну, но воробья и след простыл.

Опять я пошёл и сел на стул, сажу тихо: может быть, этот воробей опять прилетит, тогда я его поймаю и с ним поиграю.

Слышу: тихонько чирикает. Я на цыпочках притаился.

На столе в кухне клевали крошки два воробья, а третий сидел на форточке и сторожил. Он оглянулся и тихонько чирикнул. Сам слетел на стол, а ещё один сел на форточку. Потом и он слетел на стол, а другой прилетел на форточку.

Целая стая воробьёв клевала крошки хлеба на нашем кухонном столе.

Вот здорово: люди меня одного оставляют, а птицы навещают. Всегда буду теперь защищать птиц. Только не скажу никому об этом: пусть думают, что одному мне скучно было. Может быть, пожалеют.

Но вот бабушка дверь открывает. Я тогда дал знать воробьям, вбежал в кухню, и они все вылетели в форточку.

Собака, как вошла, сразу на кухню побежала. Она стала

на задние лапы, и я дал ей кусочек хлеба. Она обрадовалась и проглотила хлеб. Зверей теперь тоже буду защищать, потому что собака у меня очень хорошая.

Мы с ней ушли из кухни, чтобы бабушке не мешать.

А теперь что мне делать? Когда я спрашиваю, мне всё время говорят: «Почитай, порисуй, телевизор посмотри». Надоело.

А вот не буду делать, что говорят!

А сами-то они что делают? Никогда не замечал.

Я проснулся оттого, что щёлкнула, запираясь, наша входная дверь. И шаги отца глухо застучали по лестнице. Он пошёл на работу. Мне вставать не обязательно, раз я болен. И в школу пока не хожу. Буду спать, пока надоест.

Но звуки только начинались. Двери хлопали во всём доме, а одна дверь беспрерывно противно скрипела и визжала. Вздрагивал и завывал лифт, дворники громыхали мусорными баками. Хотя на улице почти темно, но многие люди уже не спят. И мне спать больше не хочется. Я встаю и заглядываю в кухню.

Весь стол заставлен книгами и грязными чашками, кофейником, чайником. Мама моет и перетирает чашки.

— У нас были гости? — спрашиваю.

— Нет, — говорит мама. — Отец ночью доклад писал.

Подумать только: доклады пишет. Вот это работа! С ума сойти! А я до сих пор не могу себе дела найти.

Мама тоже уходит. За ней закрывается дверь.

Я вовсе не собираюсь спать. Я собираю все свои книги и несу их в кухню. Я сам завариваю чай и кофе, наливаю во все чашки, из которых пил отец, и тоже начинаю пить и книги читать.

Читал, читал, потом решил кое-что написать. Ну, не доклад, конечно. А стих какой-нибудь сочиню. Ничего нет трудного, между прочим. Всё очень просто.

Только начал, бабушка пришла со стола убирать.

Я ничего не позволяю ей на столе трогать. Мне нельзя мешать. Я, между прочим, работаю.

— Бабушка, — сказал я, — лучше не трогай посуду, а то я заставлю тебя сказки про зайца рассказывать, которого ты сама никогда не видала. — Тогда она испугалась и отстала. Я, между прочим, давно понял, что она ни одной сказки до конца не помнит.

Но бабушка всё же здорово мне помешала. Сбила меня с толку, и я теперь не знаю, что писать. Смотрю в окно. Между прочим, все пишут про солнце, и я напишу про солнце. Как оно светит с голубого неба, и всё такое. Внимательно на небо смотрю. Там солнца пока нет, и небо не голубое, а какое-то не то серое, не то белое с серым. Непонятно, в общем, какое небо. Я решил подождать, когда небо голубым станет и солнце покажется. Когда небо голубое, сразу полная ясность.

Представляю себе, сколько, может быть, людей на земле в это время в небо смотрят. И каждый человек, наверно, как и я, ждёт голубого неба.

Когда небо голубое, спокойно на душе. А вот если небо не голубое, то неизвестно, чего от неба ждать.

Как польёт дождь!

Гроза как ударит!

Снег как пойдёт!

Мороз как грянет!

В общем, я очень много раздумывал. Долго ждал с работы отца, а он всё не приходил.

И вот отец и мать пришли с работы.

А я не успел написать ни строчки.

— А что это такое? — вскрикнула мама, когда увидела на столе грязные чашки, те же самые, которые она мыла утром.

— Я тут работал, — говорю.

— А теперь убирай.

— Пожалуйста, — говорю. По крайней мере, есть что человеку делать. И я начинаю мыть чашки.

Отец сейчас будет спрашивать, как да что. А что я ему скажу, у меня же ничего не вышло. Скажет: не то делаю. Как бы переключить его внимание? Лучше я его сам спрошу: как да что. И вообще надо с отцом поговорить, как следует побеседовать, видно, он человек серьёзный. Между прочим, очень удобный момент для разговора. Только не знаю, как начать.

Я заволновался. Но всё же разговор начинаю.

— Ну как, — спрашиваю, — доклад? Кому ты делал доклад?

— Нашим рабочим.

— Зря ты им доклад делаешь. Пусть они лучше домой идут, там их дети ждут. Я ждал, ждал тебя, а ты не приходил.

— А ты эгоист, между прочим, — говорит отец.

Такая кличка мне вовсе не нравится. По-моему, это плохая кличка, а я хороший. Я, конечно, долго ждал отца. Но вот он пришёл, и я этому рад и мне вовсе неохота с ним ссориться. Но чувствую: разговор идёт не в ту сто-

рону, неприятный разговор получается. Надо на что-нибудь другое переключить.

И я говорю:

— Скажи, пожалуйста, папа, ты знаешь какое-нибудь стихотворение про небо?

— Зачем? — спрашивает. — Про какое небо? Ни с того, ни с сего...

— Про голубое, конечно, — говорю.

— Что-то мне сейчас в голову ничего не приходит, — говорит.

— Вот, — говорю, — представь себе, и мне ничего не приходит. Весь день смотрел на небо и не увидел там ничего.

- Почему, собственно, небо обязательно голубое?

- А какое же?

- Ты ночное небо видел?

- Глядел, — говорю, — однажды, да ничего не понял. А какое, по-твоему, небо?

— Не знаю. Надо подумать.

— Подумай, пожалуйста.

— А что, так скоро надо? Голубое, голубое... небо голубое... А почему обязательно голубое?! Красное может быть!

И тут мне в голову сразу пришёл стих:

Небо белое, серое, чёрное,
Голубое, зелёное, красное...

— Ты знаешь, — говорю, — совершенно правильно! Небо разное может быть. Мы с тобой правильно думаем!

— Я очень рад, — говорит папа, — что мы с тобой единомышленники.

Я протягиваю ему руку, и он пожимает мою руку совершенно серьёзно.

Очень удачный разговор, как видите, состоялся. Не поссорились. Наоборот, подружились. Дружеский разговор.

Но в это время в форточку несётся детский плач. Какой-то ребёнок, видите ли, не хочет домой идти, а родители его уговаривают.

Я захлопываю форточку. И что это маленькие дети орут, как ненормальные? Неужели нельзя договориться потише? Надо уметь разговаривать со своими родителями. Как я, например. Сам нашёл общий язык.

Теперь мне со всеми хочется дружески беседовать.

Но не с кем. Все своими делами заняты и разговаривать со мной опять некому.

Тут я вспомнил про Васю. Хорошо бы он зашёл ко мне, я бы с ним дружески побеседовал. Эх, Вася, Вася...

И вдруг — представляете! — открывается дверь, и Вася входит.

— Как дела? Какие новости? — спрашиваю.

— Плохие новости. Посоветуй мне что-нибудь. У нас некоторые мальчишки над всеми смеются. Взяли в моду клички придумывать.

— Какие же это новости? Это и при мне было. Всю жизнь они с кличками да прозвищами носятся.

— Некоторые очень даже обидные. Мне ужасную кличку придумали?

— Какую?

— Не могу тебе сказать.

— Как же я тебе тогда буду советовать?

— Язык не поворачивается. Ужасная, оскорбительная кличка.

— Ну, а ты?

— Да тут повеситься можно, застрелиться можно, утопиться можно!

— Ещё чего! Ты погоди с этим. Дай мне поправиться. Я не хочу с тобой расставаться.

— А как мне разговаривать с НИМ?

— Если ты утопишься, ОН будет ходить, строить рожи разные и к другим приставать.

— Те, может, тоже пойдут топиться...

— Представляешь, сколько утопленников будет? Пол земного шара будет валяться в воде, а другая половина будет искать, кого бы ещё оскорбить. Что ОН тебе сказал?

— Такое говорит, что не могу сказать. Да если я скажу тебе, что ОН сказал... Нет, не могу сказать...

— Хватит тебе: ОН, ОН... Сам придумай ему такую кличку, чтобы ОН закачался.

— Какую? Тоже оскорбительную?

И тут я ему посоветовал вот что:

— А ты придумай кличку наоборот: не оскорбительную, а какую-нибудь хорошую кличку.

— Ишь ты, — говорит. — ОН мне плохую, а я ему хорошую? Да ты что?

— Понимаешь, — говорю, — это поставит ЕГО в тупик.

— В какой тупик? — разочаровался Вася.

— Может быть, после этого он подойдёт к тебе и скажет: «Извини, пожалуйста, что я тебе такое сказал, а ты вовсе не такое». Как ОН тебя называл-то?

— Вот пристал. Спрашиваешь и спрашиваешь, мне и так тяжело об этом вспоминать, не видишь разве? Что-то не верю я в это. Вдруг ОН такой дурак, что ни в какой тупик его не поставишь?

— Да объясни ты ему по-человечески, что ты не... Как ОН тебя называл-то?

Вася в затылке почесал и задумался: может быть, и у него мелькнёт какая-нибудь подходящая хорошая мысль.

— Думай, думай, — говорю, — не бойся. Ты же хороший парень, я давно тебя знаю.

— Спасибо, что ты так ко мне относишься. Я, понимаю, раньше тоже думал, что я хороший, да и ты мне это говорил. Но когда ОН мне такое сказал, я даже про себя забыл. Обидно стало, понимаешь.

— А кто ОН? И что ОН тебе сказал?

— ОН — враг. Ты его знаешь, с нами в одном классе учится.

— Если с нами учится, то почему же он враг? Выходит, в классе одни враги, другие друзья? А ты кто такой?

— А ты как думаешь?

— Друг, наверно. У меня пока нет ни одного врага. А кто такие враги?

— Ну те, которые других оскорбляют.

— Неужели так просто стать врагом? Может, он по глупости это сказал?

— Наверно, глупые и есть враги, — говорит Вася.

— А ты умный?

— Не знаю...

— Про себя не знаешь, а про других знаешь? Если подумать, я тоже иногда бываю глупым. Только это потом видно, а не сразу. Один человек может быть и другом и врагом. Мне, например, всегда хочется быть другом, а врагом нечаянно получается.

— Вот стоит тебе о чём-нибудь подумать, у тебя сразу столько придумывается.

— Так вот слушай. Подойди к НЕМУ и попробуй найти с ним общий язык, спроси его: друг он или враг. И ты увидишь, что он тебе скажет: друг. Значит, у него тоже всё нечаянно вышло.

— А вдруг он скажет: враг?

— Ну если он такой дурак, то с ним дальше и разговаривать нечего, и обижаться нечего. Понятно?

— Не совсем.

— Понимаешь, кому нужны какие-то глупые враги? Он пустое место, и ты не обращай на него внимания.

— А как ты думаешь: враг на всю жизнь или может исправиться?

— А как по-твоему, тебе долго будет обидно или потом пройдёт?

— Ты знаешь, — говорит Вася, — кажется, уже проходит.

— Вот видишь, что значит работать головой — и тебе и другим хорошо. Я приду в школу, мы вместе с то-

бой будем головой работать. Одна голова — хорошо, а две — лучше.

— Хорошо всё же иметь настоящего друга, как ты. А вот у кого друга нет, тому, наверно, хуже.

— Пусть головой работает, — говорю. — Тогда сразу кто-нибудь заметит и придёт посоветоваться. Они дружески побеседуют и станут друзьями. Можешь ты головой работать?

— Мне мешает лень. Она мне даже учиться мешает. Просто не знаю, что мне с ленью делать, так она ко мне пристала.

— Как же она к тебе пристала?

— Вот сижу на стуле и вставать неохота, сижу и сижу и ничего не думаю.

— Что это, болезнь, что ли, у тебя такая особая? Это, наверно, у тебя от обиды. Нечего тебе просто так сидеть на стуле! Вставай и иди по своим делам! Опыт со стулом у меня тоже был. Только я сидел на стуле не от лени, а от нечего делать. Я сидел и думал, что мне делать. Как назло, ничего не придумывалось. А стул трещал, трещал и развалился. Зато дело сразу появилось — стул чинить. Я взял и сам починил.

Вася застеснялся и, почёсывая в затылке, видимо, раздумывал о своей лени. Потом говорит:

— Наверно, с ленью надо бороться?

— Вот правильно, — говорю. — Борись с ней, гони её, дерись с ней напропалую. — Я дружески похлопал его по плечу. — Пошли её к чёрту! — Мы опять захохотали. — Лень для меня не проблема, — говорю. — У меня, понимаешь, другая проблема. Я в любое время могу взяться за любое дело. Но где взять это дело? Вот вопрос.

— А что ты сейчас делаешь?

— Я чиню свои игрушечные машины. Видишь, сколько их тут? Думаешь, это просто? С трудом получается.

— А почему они все сломанные?

— Я их специально сломал, чтобы потом починить.

Чтобы никто не мог сказать, что я ничего починить не умею. А потом мне надо найти дело поважней.

Вася почесал затылок.

— Посоветуй, где мне такое дело взять? — говорю.

— Сразу не могу. Немного погодя, — сказал Вася. — Мне надо домой. Дома я подумаю, завтра приду и скажу.

И он встал со стула, который я сломал от нечего делать, а потом сделал. И он пошёл домой бороться со своей ленью.

А я остался у себя дома бороться со своим бездельем собственными силами. Поскольку от лентяя вряд ли дождёшься помощи в каком-нибудь деле. А ничего не делать трудно. Все что-нибудь делают.

С другом поговорил. Теперь мне надо с бабушкой поговорить. Наладить отношения. А то до чего дошло: бабушка разговаривать со мной не решается. Связываться не хочет.

— Бабушка, где ты была, когда тебя у нас не было? Я этого совсем не помню. Откуда ты, бабушка?

— Я из деревни, — говорит бабушка.

— И как там в деревне, расскажи.

— Можно рассказать. Только это долго.

— Мне интересно.

— Неужто слушать будешь?

— А что?

— Теперь никто ничего слушать не хочет. Времени тратить не хотят.

— Честное слово, буду слушать. И время у меня пока есть.

— Ну, слушай. Сначала было хорошо. Весна. Солнце. Там у нас кругом черёмухи, рябины. Всё цветёт. Аромат в воздухе. Небо высокое, светлое. У нас, конечно, дом, семья. Всё хорошо...

Потом дети уехали в города.

Писем от них стали ждать.

Бывало, весь день прожду почтальона. И ночью жду дня. Луна с неба ярко светит. Пятно лунного света, будто письмо, лежит на полу. Тихо. Стараюсь не ворочаться.

Ведь если дети из родного дома уехали, они должны написать письмо о своей жизни. Почему же не пишут? Ведь знают, что дома писем ждут. Значит, плохо живут? Пусть всё равно напишут...

Слежу, как лунный квадрат бледнеет, потом исчезнет совсем, будто испарится. Чей-то петух запекает, другие начинают ему откликаться. Птицы запевают — рассвет начинается.

Я встаю, подхожу к окошку. Свет за окном неясен, туман колыхается. В деревне появляется первый человек. Это пастух. Он хлопнет сейчас своим кнутом. В тумане не видно ни кнута, ни ног его — кажется, будто человек плывёт по туману. Он хлопнет кнутом на том конце деревни, и, пока идёт в другой, мне надо козу подоить.

Он хлопнет последний раз, свернёт кнут кольцами и повесит на плечо сбоку. Коза сбивает росу на траве и несётся с блеянием прямо к нему навстречу. Я выйду, доброго здоровья скажу. Пастух у нас как родной человек, всю жизнь был бессменный. Люди его уважали. Он умел накормить скотину.

Всё ещё было хорошо. Потом стало хуже и хуже.

Умер муж в одночасье. Схоронили. Холодно стало. Коза у меня ещё оставалась. Пастух ещё каждое утро подходил здороваться. Но вижу: он затосковал. Сгорбился. Старый кнут тащится сзади, как его прожитая жизнь.

Вот скотину поставили на зиму. Рассчитались с пастухом. Он купил в одном доме мяса, сколотил дощатый ящик, перекинул через него длинное полотенце, чтобы не резало плечо, пока несёт до станции, и поехал на поезде к сыну. Сын его жил в городе Москве. Говорят, старик спал на

Привидения приходят

полке до самой Москвы. А когда хотели его разбудить, оказалось, он умер. Может, он умер от духоты, к которой был непривычен...

Коза у меня ещё оставалась.

Но она вскорости пала.

Я всё держалась.

Пойду, бывало, на пруд, а небо словно опустилось над водой и гребёнки волн теребят серые хвосты облаков. Мир будто сжался снизу и сверху, и нутро у меня будто надломилось в предчувствии долгой зимы.

Но я держалась, пока меня привидения не одолели.

— Привидения?! — я подскочил от неожиданности.

— Да, брат, привидения. Отворяют дверь, на пороге садятся и ждут чего-то. Я, бывало, как шарахну чем попадя — они отойдут, и я опять в своём доме хозяйка.

— А чем ты шарахала, бабушка? — спрашиваю.

— Все глиняные плошки об них перебила, все ухваты обломала. Потом уж решила начать новую жизнь и вот сюда к вам и приехала. Вот так дело было.

— А привидения дома остались?

— Да пусть их! И дом уже старый.

— Бабушка, а как умирают?

— Так. В землю уходят, и всё.

— Зачем?

— Жить надоедает. Устают от жизни.

— И я тоже умру? Я не хочу!

— Да тебе нечего и думать про это. Ты не умрёшь.

— Да? Я не хочу. А ты хочешь?

— У меня всё идёт к тому.

— Ну что ты, бабушка! Давай вместе жить. Не умирай.

— Да я уж устала. Да ты не бойся. Я, видишь, новую жизнь начала.

— Давай я тебе жить помогу.

— Зря мы с тобой этот разговор затеяли на сон грядущий.

Но вовсе не зря затеяли. Я ночью сон увидал.

Будто мы с бабушкой ходим по лесу, шуршим листьями. Осень. Мы ходим с ней долго. Потом вышли из леса и очутились у того деревенского пруда, про который бабушка говорила. Только пруд этот очень большой и едва-едва проглядывает на горизонте противоположный берег.

— Батюшки, ведь осень, осень уже, с листьев слёзы текут... — говорит бабушка.

А я вижу на берегу старую чёрную лодку и бегу к ней.

А бабушка мне говорит:

— Это мой челнок.

— Я хочу доплыть на нём до того берега и посмотреть, что там. Ты со мной поедешь, бабушка?

— Нечего мне. Я там была. Мой челнок для тебя не годится, он разошёлся и течёт по всем швам, — говорит бабушка.

Я стал возиться с лодкой, чинить её и приспособлять для плавания. Во время этой возни я вдруг услышал бабушкин голос:

— Не смею тебя беспокоитттть. Приходи, однако, ко мне беседоватттть.

Я оглянулся спросить, что она так нажимает на «т», но её уже нигде не было.

Я искал, искал — она будто сквозь землю провалилась.

Я стал волочить лодку к воде, было тяжело, я устал и проснулся.

Бабушка давно встала. Она была в кухне.

Мне мой сон не понравился. Зачем-то они все умирают, сквозь землю проваливаются. То ли дело я: мне всё время летать хочется, до того берега добираться.

Я встаю и включаю радио. По радио играет весёлая музыка. Я начинаю под музыку плясать.

Сегодня я весь день пляшу. По телевизору музыка — я пляшу.

Как будто у меня есть особый моторчик. И он автоматически заводится, когда играет где-нибудь музыка.

Пришли родители. Услышали, что я топаю, и говорят:

— Тише, тише, придут снизу!

Я стал тише топать, но плясать не перестал.

Вдруг на отца наскочил нечаянно. Он говорит:

— Ты так дёргаешься, как будто тебя палками бьют.

После этого я перестал сильно руками размахивать. Но плясать не перестал. Держусь ровно, топаю тихо — танцую.

Увидела случайно мама и говорит:

— Ты, Славик, не плохо двигаешься, между прочим. Мама ещё не понимает, что я не просто двигаюсь, я танцую.

Ничего скоро поймёт, куда она денется. Все мой танец поймут, никуда не денутся.

Отец говорит:

— Что ты делаешь? Ты бабушке надоел, всё время у неё перед глазами мелькаешь. Прекрати немедленно!

— Я не мелькаю. Я, может быть, ей помогаю. От смерти её спасаю. Веселю.

Мрачный отец какой-то. Всё время говорит: «Прекрати!»

Я, конечно, не обратил на это внимания. И плясать продолжаю.

А что делать? Музыка играет — моторчик работает.

Отец говорит:

— Остановись!

— Не могу, — говорю.

— Почему не можешь?

— Завёлся.

— Это ещё что такое?

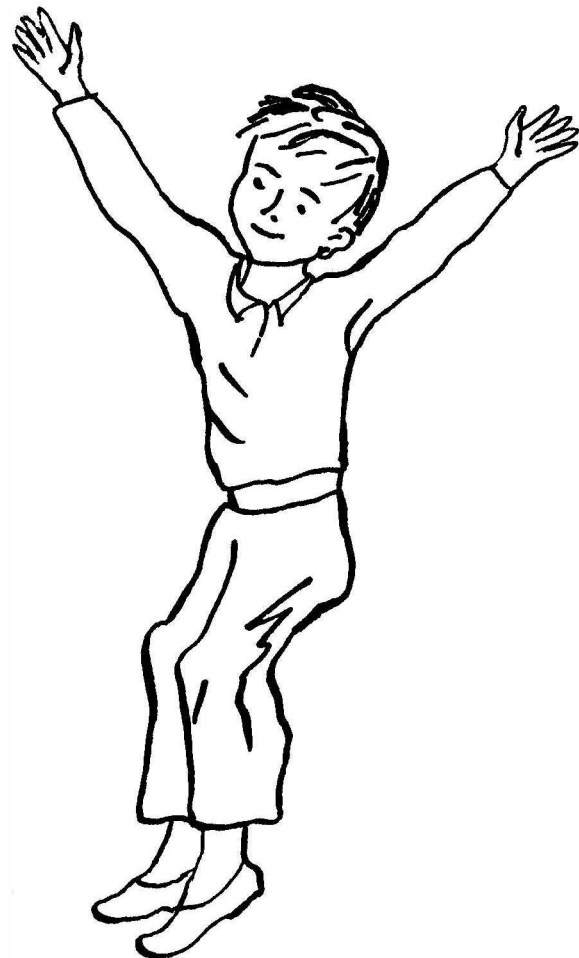
— Моторчик завёлся.

— Какой моторчик?

Ах, моторчик! Останови моторчик!

— Зачем?

— Видишь ли, мотор работает, но голова должна быть на плечах.

- При чём тут голова?
- Соображать: что? Зачем? Для чего?
- Я знаю, — говорю.
- Знаешь, так остановись наконец.
- Я знаю: моторчик у человека работает, голова на плечах есть. Стоп!

Я, между прочим, знаю, зачем я пляшу.

Помните октябрятского вожатого, который работает в нашем классе? Толя Богданов его зовут. На вид он парень обыкновенный. Он сам пел и плясал в нашем классе, никто его не просил. Но было ужасно интересно. Вот и я. Пока учусь — подрасту.

Правда, родителям это так надоедает, что они не знают, куда от меня деться.

Сами же они виноваты.

Когда я их спрашивал, что мне делать, они мне говорили, книгу почитать. Я читал книгу про ребят, которые что есть мочи отплясывали в деревенской бане. Баня ходунном ходила.

Родители говорили мне: телевизор посмотри. Я смотрел. Там вообще все поют и пляшут, тем более, что другое мне вовсе неинтересно и ничего не понятно.

А вот когда я сам начал плясать, всё время слышу: «Перестань!» да «Прекрати!»

А зачем прекращать?

Я живу в своей квартире? В своей.

На своей улице? На своей.

В своём городе? В своём.

Учусь в своей собственной школе. Вот, значит, что хочу, то и делаю!

Плясал, пляшу и буду плясать!

Это нужно для дела.

Я хочу быть октябрятским вожатым в первом «А» классе.

А что?

Мой отец в конце концов в один прекрасный день принёс мне новые лыжи.

Нельзя сказать, что это были необыкновенные лыжи, но мне именно такие и нужны.

День действительно был замечательный. Зима пришла. Снегу навалило.

И вот я снова выхожу на улицу и встаю на лыжи. Прокачусь от дома до школы по новому снежку.

Вышел, и сразу старые знакомые встретились. Знакомый сосед сказал мне: «Физкультпривет!»

Знакомая девочка вела кошку на поводке. Прежде она за кошкой бегала, а теперь кошка за ней тащится.

Коля гнал на велосипеде прямо по снегу.

— А где этот мальчик, который дал тебе велосипед? — спросил я.

— Скоро вернётся, — сказал Коля.

В Васином окне был свет: наверно, он учит уроки.

Мне тоже захотелось учить уроки. И в школу захотелось.

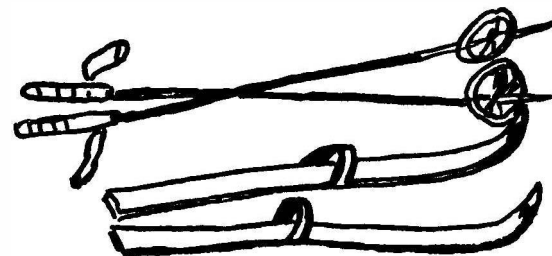
Я катил на новых лыжах. Медленно падал снег. Всё было в порядке.

Только я так и не знаю, каким лучше быть: нормальным или необыкновенным человеком?

Вообще-то обыкновенным человеком быть просто замечательно, я это чувствую. Может быть, даже и лучше всего.

В общем, как быть необыкновенным человеком, я пока совсем не знаю. Я вон чуть не умер от этого.

Отложим это до другого раза.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Голявкин Виктор Владимирович

ЭТОТ МАЛЬЧИК

Ответственный редактор
Н. Л. Страшкова.

Художественный редактор
В. Г. Смирнов.

Технический редактор
З. П. Коренько.

Корректоры
Н. Н. Жукова и
Л. А. Бочкарева.

ИБ 3959

Сдано в набор 27.07.79. Подписано к печати 24.11.79. Формат 70×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 5,12. Тираж 150 000 экз. Заказ № 767. Цена 35 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Голявкин В. В.

Г 36 Этот мальчик: Повесть / Рис. автора. — Л.: Дет. лит., 1980. — 93 с., с ил.

В пер.: 35 коп.

Приключенческая повесть о шестилетнем мальчике, восхитившем первоклассников своей начитанностью и деловитостью.

70802—107
Г ————— 164—80
М101(03)—80

Р2

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ж У Р А В Л Е В А З.

ОЖИДАНИЕ.

Повесть.

Рис. Е. Медведева.
М., 1976, 143 с.

И В А Н О В С.

ОЛЬГА ЯКОВЛЕВА.

Повесть.

Рис. Е. Медведева.
М., 1976, 158 с.

Л Е О Н О В А.

МЕДОВЫЕ КЛАДОВЫЕ.

Рассказы и повести.

Рис. А. Пахомова и А. Слепкова.
Л., 1979, 190 с.

М Е Д В Е Д Е В В.

ФАНТАЗИИ БАРАНКИНА.

Поэма в двух книгах.

Рис. А. Тамбовкина.
М., 1978, 303 с.

Н О С О В Н.

ВИТЯ МАЛЕЕВ В ШКОЛЕ И ДОМА.

Повесть.

Рис. Г. Валька.
М., 1978, 176 с.

П И В О В А Р О В А И.

О ЧЁМ ДУМАЕТ МОЯ ГОЛОВА.

Рассказы Люси Синицыной,
ученицы третьего класса.

Рис. А. Иткина.
М., 1979, 191 с.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

